

ДОМ НАД МОРЕМ ЗАТВОРНИК

КАТЯ ЁЖ

18+

Дом над морем

Катя Ёж

Дом над морем. Затворник

«Автор»

2026

Ёж К.

Дом над морем. Затворник / К. Ёж — «Автор», 2026 — (Дом над морем)

Она выросла в детском доме и мечтала о славе художницы, но, впервые влюбившись, едва не погибла. Он богат и успешен, но полон скорби и больше не верит в любовь. Она слишком молода, в нём слишком много тайны. Станут ли они чудом один для другого или растворятся во мраке дома над морем?

© Ёж К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	32
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дом над морем. Затворник

Глава 1

Майя увидела старика однажды утром. Она пыталась поймать свет и запечатлеть восход солнца над горной грядой таким, каким видит его в эту минуту, а старик появился из-за выступа скалы и встал неподвижно, молча наблюдая за ней.

На самом деле старым он не был, просто Майе в ее двадцать пять любой человек, в чьих волосах мелькает седина, а лицо испещрено складками и заломами, казался таковым. Сейчас, глядя в его суровое лицо с намертво пристывшим к нему выражением печали, девушка поняла, что именно глаза добавляли мужчине лет, потому что в них мрачной тучей висели уныние и тоска. И еще, наверное, боль, но ее она, скорее, не увидела, а почувствовала. Болело у него что-то, у этого странного человека.

Взгляд был таким тяжелым, что Майя физически ощущала его на своей коже, и время от времени поводила плечами, словно сбрасывая липкую паутину, которой он ее, казалось, обволакивал. При этом что-то мешало обернуться и прямо сказать, чтобы не пялился. Напряжение и страх сковывали, мешая сосредоточиться и лишая руку твердости, но в то же время не давали сопротивляться и защищать свои границы.

Так она и стояла, борясь с собой, а на холсте не появлялось новых красок. Солнце двигалось, свет ускользал, Майя злилась на себя... И вдруг услышала его голос. Хриплый от долгого молчания и чуть насмешливый:

— Я думал, вы художница.

Майя с ужасом почувствовала, как к глазам подступают злые слезы. Утро испорчено безвозвратно, она не сумела за себя постоять, а он еще и издевается! И не поворачивая головы в сторону проклятого старика, она буркнула:

— А я думала, люди вашего возраста лучше воспитаны и не подглядывают тайком, мешая другим заниматься их делами. Хотя возможно... — она все-таки решила взглянуть на него, — вы уже забыли правила этикета, ведь вас должны были учить им очень и очень давно!

Выпалив эти обидные для любого человека, будь то мужчина или женщина, слова, Майя осеклась, почувствовав, как горячей волной обдало щеки. Не хватало еще покраснеть!

Краснела она очень легко: ее тонкая прозрачная кожа мгновенно розовела, стоило девушке понервничать или рассердиться, и выглядело это несолидно, особенно, если учесть, что Майя была учительницей, а дети очень часто заставляют сердиться и нервничать. Она всегда боялась, что ее особенность помешает добиться авторитета у учеников, и никто никогда не станет воспринимать всерьез девчонку, которую так легко бросает в краску.

Подводил Майю и голос, слишком высокий и звонкий, почти детский, который к тому же исчезал до шепота в минуты сильного волнения. Хорош учитель! Одно облегчало задачу — справляться приходилось только с учениками. Доказывать и объяснять что-либо их родителям не приходилось, потому что родителей у подопечных Майи не было.

Майя не помнила свою мать, ушедшую в закат почти сразу после рождения дочери, а отца, если верить скупым отговоркам взрослых, и вовсе никто никогда не видел. Отчаявшись дожидаться возвращения непутевой дочери, бабушка Вера Николаевна тянула ее ребенка, как могла, хватаясь за любую подработку, уже выйдя на пенсию. Жили бедно и голодно. Поселок маленький, работы не хватало даже молодому трудоспособному населению, так что приходилось и огород держать, чтобы не остаться без овощей, ставших непомерно дорогими, а чтобы

в этом огороде хоть что-то выросло, бабушка все летние дни проводила на грядках. Маленькая Майя вертелась вокруг, ища чем бы помочь, но ничего тяжелее игрушечной леечки удержать в руках не могла, и носилась туда-сюда, часами поливая один-единственный куст, пока у бабушки не начинало рябить в глазах.

Однажды Вера Николаевна усадила внучку за стол и разложила перед ней какие-то палочки. Оранжевая, зеленая, желтая, красная, синяя, коричневая — трехлетняя Майя не понимала, что это, и попыталась попробовать на вкус, но бабушка вовремя остановила девочку:

— Куда в рот? Гляди-ка, — она положила на стол лист бумаги и взяла синюю палочку. Провела одним концом горизонтально — и Майя увидела синюю линию. Потом бабушка взяла желтую палочку и нарисовала над синей линией желтый кружок, а из кружка — расходящиеся в разные стороны лучики. Затаив дыхание, Майя следила за бабушкиными руками и увидела, как на глазах синяя линия превращается в море с барашками пены, а желтый круг — в яркое солнышко. За морем выросли коричневые горы, покрытые зеленой травой, а в небо взмывали стаи птиц.

— Это цветные карандаши, — сказала Вера Николаевна. — А это альбом. Поняла, как рисовать? Вот и сиди, а бабушка в огороде спокойно поработает.

И она ушла, оставив девочку в волшебном мире разноцветных образов.

С этого дня и до конца лета Майя больше не носилась по садовому участку, рискуя истоптать грядки или разбить коленки. Она теперь если и гуляла, то только с альбомом под мышкой и зажатыми в кулачке цветными карандашами. Садилась под куст или на холм, откуда было видно море, и рисовала. Сначала на бумаге появлялось только то, что Майя видела своими глазами, но потом она начала додумывать, и альбом наполнился летающими рыбами, шагающими на огромных лапах деревьями, животными в человеческой одежде. Иногда бабушка только диву давалась, обнаружив в рисунках внучки оранжевое море под зеленым небом. Она показывала их соседям, те умилялись и хвалили, потому что рисовала Майя все лучше. А ведь никто ее не учил: острый глаз и умение наблюдать — вот и все, чем располагала маленькая художница.

Осенью Майя наконец-то пошла в детский сад. Там тоже нужно было рисовать, и воспитательница, быстро заметив, что девочка умеет уже многое, стала помогать ей. Майя узнала, что, кроме цветных карандашей, существуют краски, а еще уголь, и можно рисовать невероятно красивые картины, пользуясь всего одним цветом, растушевывая штрихи, где-то затемняя, а где-то высветляя рисунок.

— Она у вас талантливая, ведь как цвет чувствует! — восхищенно говорила воспитательница Вере Николаевне. — Учиться девочке надо! Она, может, большой художницей станет! Подрастет, глазомер разовьется, а композицию она уже сейчас отлично выстраивает. Я в этом понимаю, поверьте!

Бабушка слушала, улыбалась и кивала. Она и сама видела, что внучка не просто отлично рисует, но и любит это дело, горит им!

— Подрастешь — отдам тебя в школу специальную, — сказала она Майе. — Денежек подкоплю только.

У Майи замирало сердце, когда она представляла себе, как пойдет в школу, где рисование — не просто урок, а основной предмет, где все-все ребята будут такими же, как она. Сейчас ее друзья-мальчишки предпочитали гонять мяч по пустырю, заменяющему детворе футбольное поле, а подружки с удовольствием нянчили старых ободранных пупсов, подражая своим матерям: накормить, убаюкать, спать уложить, переодеть... Майе все это было неинтересно. Вот нарисовать играющих в куклы девочек — это всегда пожалуйста!

Однако человеческие фигуры у нее пока не получались. Вроде и пропорции те самые, и лица, а чего-то рисункам не хватало. Однажды Майя подошла к бабушке с мучающей ее про-

блемой и пожаловалась. Бабушка долго разглядывала очередной неудачный портрет, вертела его так и сяк и наконец сказала:

— Я в этом не особенно разбираюсь, хорошая моя... Ты знаешь, вот эта девочка с куклой ведь играет, движется, а у тебя она застывшая.

— А как же мне сделать, чтобы она двигалась? Она же рисунок! — округлила глаза Майя.

— Вот уж не знаю, — вздохнула бабушка.

А через неделю она повезла Майю в большой город. Майя впервые была в таком шумном и людном месте. Бабушка нарядила ее в старенькое, но симпатичное платье с оборками, заплела светлые волосы в две косички и украсила их огромными бантами. Майя чувствовала себя самой красивой девочкой в мире и радовалась поездке, как приключению, но увидев, куда привела ее бабушка, позабыла обо всем и только ходила, раскрыв рот, по огромным залам с высоченными потолками, где всюду на стенах висели картины. И это были не привычные альбомные листочки, а огромные полотна, с которых на Майю смотрели и суровые лица богато одетых людей, и лица попроще, крестьянские. На одной стене разворачивалась баталия между бесчисленными войсками, и Майя буквально слышала, как грохочут пушки и ржут кони, а солдаты, сраженные штыками, кричат от боли. На другой стене маленький кораблик накрывало огромной волной, и Майю оглушал треск ломающихся мачт и рвущихся парусов. Вот бал, толпа танцующих и звуки вальса. Вот мирный пейзаж, утро в деревне, щебечут птицы, а где-то на лугу тонко поет свирель и мычат коровы... И все это двигалось, жило, дышало!

Всю обратную дорогу Майя молчала.

— Тебе что же, не понравилось в музее? — озабоченно спросила бабушка.

— Что ты, бабуля — тихо ответила Майя, — ужасно понравилось... И я теперь понимаю, что такое, когда картины живые...

На седьмой день рождения бабушка подарила Майе краски, а сосед сколотил мольберт, и теперь у Майи появился свой уголок художника. Они с бабушкой договорились, что в сентябре Майя пойдет в первый класс в обычную школу, а потом бабушка узнает, где есть школы для тех, кто рисует, и девочку переведут туда.

Время шло, но бабушка не спешила выполнять обещание. Майя не знала, что для этого нужны большие деньги, которых у пенсионерки из маленького поселка, конечно же, не было, и немного сердилась на бабушку, думая, что та позабыла о данном внучке слове. Но бабушка не забыла и изо всех сил старалась откладывать хоть копейчку со скудных своих доходов, да куда там... То ботинки у Майи каши запросят, то в школе очередные поборы объявят, да и питаться маленькой ученице нужно хорошо — растет ведь, а как без мяса и витаминов мозги нагружать?

Майе тем временем исполнилось десять лет, она перешла в четвертый класс. Еще год-другой, и уроки рисования в школе закончатся: останется она совсем одна со своим увлечением, потому что никаких кружков и дополнительных классов по живописи попросту не было, как не было рядом с ней и других ребят, увлеченных тем же. Маленькая художница проводила все дни на природе, погруженная в мир красок и образов. Она не сторонилась людей, но как-то само собой вышло, что старые друзья от Майи отделились. Им было неинтересно с ней, а ей с ними, поэтому она все время была одна, особенно летом, когда не нужно было ходить в школу.

В один из дождливых августовских дней Майя, временами с тоской глядевшая в затянутое облаками небо, стояла за мольбертом над самым обрывом. Она сосредоточенно пыталась воспроизвести свинцовый цвет морских волн, а потому не заметила, как к ней подкрались. Вдруг девочка ощутила сильный толчок в спину и едва не полетела вниз, в расщелину, но вовремя сгруппировалась и удержалась на краю, больно поцарапав ладони и колени. А вот альбом, упав в грязь, был безнадежно испорчен, как и краски. Еще не понимая, что произошло, Майя подняла голову и увидела сначала две худые ободранные ноги в потрепанных кедах, потом джинсовые шорты и застиранную рубашку, а еще выше ухмыляющееся лицо незнакомого мальчишки. Поднявшись, Майя обнаружила, что мальчишка явился не один. Ее окру-

жила целая ватага таких же оборванцев. Они недобро разглядывали девочку, подбираясь все ближе. Майя попятилась, но вовремя оглянулась и поняла, что отступать некуда.

— Ты кто такая вообще? — задал вопрос толкнувший ее паренек.

— Да из домашних она, — подал кто-то голос.

Майя не поняла, что значит “из домашних”, но испугалась. Она чувствовала враждебность, исходившую от мальчишек.

— Типа художница, что ли? — вожак, а Майя не сомневалась, что именно так были распределены роли в этой стае, поддел носком кеда ее выпачканный в грязи альбом.

— Че молчишь?! — взвился он, не дождавшись ответа. — Здесь наша территория, ясно тебе?

— Чья «ваша»? — голос Майи дрогнул, но она все же выпрямилась и постаралась не подавать виду, что напугана.

А бояться было чего: десятилетняя девочка против банды жилистых мальчишек. Они могут побить ее или вообще... с обрыва сбросить...

Вожак сделал еще один шаг и резко подался вперед. Майя непроизвольно отшатнулась и чуть не полетела вниз. Она удержала равновесие и сдвинулась в сторону, но мальчишка снова шагнул, тесня ее к пропасти.

— Прыгай, — прошипел он. — Ходите тут, чистенькие, сытенькие... Сейчас я тебя...

Майя зажмурилась, готовясь к удару и падению. Выживет ли она после такого? Вряд ли. Бабушку жаль, как бабушка-то без нее...

— Прыщ, вообще офигел?! — раздался вдруг звучный низкий голос, и Майя почувствовала какое-то движение воздуха перед носом.

Она приоткрыла один глаз: угрожавший ей пацан присел и с опаской смотрел куда-то вбок, а остальные члены его банды бросились врассыпную, потому что в спины им летели комья грязи и самые настоящие камни.

— Бей их, девки! — прозвучал все тот же зычный бас, и Майя с изумлением увидела, что принадлежит он девчонке. Рослой тощей девчонке, которая ловко раздавала пинки направо и налево, пока сопровождавшие ее подруги пуляли в мальчишек подручными материалами. Наконец девчонка подлетела к Майе и со всей дури пнула между ног парня, который все так же стоял, не зная, что ему делать.

— Ах ты сссс..., — взвыл тот, согнувшись пополам, и девчонка, извернувшись, отвесила ему хорошего пинка под зад, заставив улететь головой в кусты.

После нейтрализации противника она повернулась к Майе и спросила:

— Ты че, дура тут ходить? Не знаешь, что это наша территория? Тебя бы сейчас завалили и все.

— Что? — Майя перестала что-либо соображать и во все глаза уставилась на свою спасительницу. Обладательница низкого, совсем не девчачьего, голоса была как будто одного с ней возраста, но гораздо выше, из-за чего казалась старше. На бледном лице горели азартом драки черные глаза, девочка от души радовалась победе.

— Здесь мы гуляем, дурища, — терпеливо объяснила она, отводя Майю от края обрыва. — Твое? — она указала на валяющийся на земле альбом.

Майя печально кивнула, обозревая втоптанную в грязь карандаши и бумагу.

— Ладно, главное, сама в порядке, — резюмировала ее спасительница и подтолкнула Майю: — Вали отсюда и больше не приходи. Это наши места, вас, домашненьких, тут не любят.

Майя посмотрела на девчонку и спросила:

— А вы тогда кто?

Та угрюмо покосилась на нее и коротко бросила:

— Ты че, в натуре не курсах? Детдомовские мы.

Детский дом! Майя знала, что дети, у которых нет родителей и даже нет бабушек, как у нее, живут в детских домах, но она и не предполагала, что одно из таких заведений находится совсем рядом. И тем более ей в голову не приходило, что воспитанники детского дома могут быть так опасны.

— Я запомню, — очень серьезно сказала она и представилась: — Майя. Меня зовут Майя.

Девчонка дернула острым плечиком:

— Нафиг мне твое имя, пошла отсюда, пока эти дебилы не вернулись! Тебе конкретно повезло, что мы с девчонками мимо шли.

— Спасибо, — улыбнулась Майя.

Незнакомка расхохоталась. У нее была удивительно красивая улыбка и в голосе при смехе звучали теплые переливчатые нотки. Майя была очарована и настойчиво попросила:

— Скажи свое имя!

— Да на фига? Ну, Вика я, — пробасила девочка. — Все, вали, я сказала! Собирай свои штуки и вали!

С этими словами Вика повернулась и, одним махом перескочив через лужу, скрылась в высоких зарослях.

Майя вернулась домой вся перепачканная, за что получила нагоняй от бабушки, но не обиделась. Она сама постирала сарафан и отмыла от жижи карандаши. Альбом пришлось выбросить, но в нем и не было ничего важного, одни наброски, к тому же у Майи был еще один, чистый. Весь вечер девочка увлеченно рисовала, а когда она легла спать, бабушка тихонько подошла к ее столу и открыла альбом. Страницы были заполнены эскизами, на которых стремительно бегала, прыгала, перелетала со скалы на скалу одна и та же тонкая изящная фигурка. Амазонка с копьем в одной руке и луком со стрелами в другой. Отважная героиня смело вступала в бой с врагами и не просто изображала определенные позы — она по-настоящему двигалась, она была живая! Вера Николаевна закрыла альбом и улыбнулась. Майя тихо посапывала к кровати, и ей снились волшебные сны о желанном будущем...

Глава 2

Максим старался сдерживать смех, видя, как распирает от обиды и гнева эту маленькую красную как помидор девушку. Сколько ей лет, интересно? Выглядит совсем юной, кожа нежная, взгляд абсолютно наивный и этот тонкий детский голосок... Как непохожа на прожженных хищниц, с которыми он сталкивался каждый день почти пятнадцать лет своей жизни, пока не перебрался сюда, в этот райский уголок. Сие бесхитростное создание даже не подозревает о том, какие страшные вещи творятся на свете, у нее одна беда — картина не получается. Эх, девочка, мне бы твои проблемы!

— Не кипятитесь, — он примирительно поднял руку, — признаю, неудачно пошутил. Но я прав, вы художница?

Она надулась, однако ответила:

— Кто же еще будет стоять здесь с мольбертом?

— Любителей много, но мне что-то подсказывает, что вы профессионал: так умело ведете линию, и ваши поиски ракурса... Нет, вы явно не дилетант.

Девушка все еще пыталась сохранить на лице выражение оскорбленного достоинства, но Максим видел, что комплимент достиг цели, и она уже не сердится. Он вдруг заметил, как она красива. Льняные волосы и яркие янтарного оттенка глаза — необычное сочетание.

— Да, я художница, училась в академии...

— А здесь в отпуске? Охотитесь за натурой?

Максиму хотелось продолжить беседу. Вообще, он любил гулять в горах в одиночестве и совсем не рассчитывал встретить здесь кого-то еще этим утром, а вот поди ж ты, не смог заставить себя пройти мимо, оставив незнакомую и, в сущности, не нужную ему девицу позади.

— Я живу и работаю здесь, — ответила она, и он удивился:

— Работаете? Где же и кем? Даже странно, не представляю, где выпускница художественной академии может найти работу в этом забытом богом месте. Ландшафт красивый, бесспорно, но в плане карьерных перспектив...

— А вы все с точки зрения перспектив оцениваете? — она вздернула подбородок.

Какая гордячка! Росту в ней полтора метра, рядом с Максимом воробушек воробушком, а боевая!

— Вижу, опять вас обидел. Простите, в науке этикета у меня пробелы, — попытался он отшутиться, и с удовольствием увидел на лице девушки улыбку.

— Да не обиделась я!

— Так что же держит вас здесь? — вновь поинтересовался Максим. — Впрочем, погодите! Что если вы расскажете мне о своей точке зрения на карьеру за завтраком? Сейчас самое время отведать где-нибудь сырников.

Глаза девушки округлились и полезли на лоб. Она совершенно точно не рассчитывала на такое завершение утра, однако совладала с собой, снова улыбнулась, на этот раз нерешительно... Боже, какие очаровательные ямочки у нее на щеках!

— Я ведь вас не знаю, — медленно проговорила она, словно одновременно решала в уме сложную задачу.

Все понятно: незнакомец в безлюдном месте приглашает на завтрак. Как минимум неизвестно, не завершится ли их встреча в ближайшем кустарнике, куда он затащит ее хладный труп, натешившись перед тем. Или она просто не хочет показаться ему любительницей перекусить за чужой счет?

— Максим! — он протянул руку, и когда девушка подала ему свою, галантно прикоснулся губами к кончикам ее пальцев.

Руку не отдернула, хоть и засмушалась.

— Майя, — представилась она.

Майя... Как там у индуистов? Майя-иллюзия, Майя-обманка? Говорящее ли это имя?

— Очень рад знакомству, Майя, — улыбнулся Максим. — Ну так что, спустимся и поищем кафе?

Она оглянулась на свои художественные принадлежности и растерянно пожала плечами.

— Об этом не беспокойтесь, я сильный, донесу, — сказал Максим. — Итак?

— Идемте, — кивнула Майя и улыбнулась снова.

«А почему бы и нет?» — подумал он, пропуская ее вперед по извилистой тропке.

Будущего, о котором мечтали бабушка и внучка, не случилось. Когда Майе исполнилось двенадцать, Вера Николаевна заболела. Слегла не сразу: сначала начал болеть живот, потом заныла спина. Она мужественно терпела дискомфорт, не прекращая трудиться то на работе, то в огороде. По вечерам ложилась и тихонько стонала, запивая водой какие-то таблетки. Майя отчаянно хотела хоть чем-то помочь, но бабушка твердила, что все в порядке, что она поправится, обязательно поправится, надо только к врачу сходить, а ей ведь некогда, вон сколько дел!

Однажды вернувшись из школы, Майя не застала бабушку дома. Подумав, что та еще на работе, девочка помыла руки и сунулась на кухню, чтобы поглядеть, нет ли там какой-нибудь еды. В животе урчало, есть хотелось страшно. Майя вообще в последний год все время ходила голодная. Бабушка говорила, это потому что она активно растет — возраст такой. Вот организм и требует...

Никаких кастрюль ни на плите, ни в холодильнике не было. Майя удивилась: бабушка никогда не уходила, не приготовив обеда. Подумав немного, девочка решила узнать у тети Тамары, соседки из дома напротив, не случилось ли чего.

На улице было прохладно и сыро, осень как-никак, и Майе ужасно не хотелось снова влезать в разваливающиеся старенькие сапоги и хлюпать в них по лужам, потому что дорогу, отделяющую их домик от дома тети Тамары, в дождь всегда размывало, но что поделать... Накинув курточку, Майя доплелась до соседки и заколотила кулачком в дверь. Залаяла псина, сидевшая на цепи во дворе, но сама хозяйка отпираться не спешила. Майя растерялась: что же это делается? Ни бабушки, ни соседки... Дальше пойти, по другим домам? И тут ее окликнули:

— Майка!

Это была тетя Тамара, только что вернувшаяся откуда-то. Майя кинулась было к ней, радуясь, что сейчас все узнает, но глянула на женщину и остановилась как вкопанная. Сердце пропустило один удар — теперь девочка почувствовала, как это бывает. Еще не зная, что именно случилось, она поняла: что-то очень-очень плохое.

А Тамара прижала Майю к своей необъятной груди и погладила по растрепанным косичкам:

— Бабуля твоя в больнице, я вот только оттуда. Давай-ка, накормлю тебя. Пойдем!

— А что с бабушкой? — Майя настойчиво дергала Тамару за рукав, заглядывала ей в лицо, а та только отводила глаза и твердила:

— Заболела Вера Николаевна, сильно заболела. Ничего, бог даст, поправится. Ну а как же? Поправится...

Только бабушка все не поправлялась. Уже неделю лежала она в больнице, и за все эти дни Майю к ней ни разу не пустили.

— Не положено! — слышали они с тетей Тамарой каждый раз, когда приходили в регистратуру и спрашивали, нельзя ли хотя бы внучке повидаться с Верой Николаевной.

Усталый, вымотанный дежурствами врач объяснял, что бабушке сделали сложную операцию, что она очень слаба и ее категорически нельзя волновать, но так он говорил при Майе.

А когда девочка отбежала на минутку в туалет и вернулась, то услышала, как этот же врач сказал Тамаре что-то странное. Майя расслышала слово «кома» и загадочные буквы «и», «в» и «л». Что это значит, она не поняла, но тетя Тамара потом чуть не плакала и молчала всю дорогу до дома. А на другой день она пришла за Майей в школу и забрала ее с уроков. Сначала Майя даже обрадовалась, потому что математику совершенно не понимала и рада была пропустить ненавистные задачки, и только дома, накормив девочку вкуснейшим супом, который умела варить лучше всех, тетя Тамара сказала ей, что бабушка умерла.

Майя смутно помнила похороны. Прощались с Верой Николаевной чуть ли не всем поселком, и люди жалели оставшуюся круглой сиротой девочку, которую теперь куда ж девать-то, а ведь какая хорошая женщина была Николавна, надо ж так запустить болезнь, хотя разве такое вылечили бы... До Майи долетали обрывки разговоров, в которых она мало что понимала. В голове билась одна мысль: бабушки нет, бабушки нет, бабушки нет... И она, Майя, осталась совсем одна на этом свете. Что делать, как жить?

Мольберт и краски пылились в углу. Не было ни сил, ни желания рисовать, и Майя все сидела у окна, глядя на унылый пейзаж и морозящий дождь, и вспоминала, как барабанили такие же капли по крышке бабушкиного гроба, приминая искусственные лепестки на венке. В школу она ходила, но ничего не слышала из того, что говорили учителя, а те девочку старались не дергать, давая ей время свыкнуться с горем.

Сколько так продолжалось, Майя не могла сказать, потому что прожила те дни как в тумане. Она оставалась в бабушкином доме, а тетя Тамара и другие соседки забегали готовить какую-то еду и помочь по хозяйству да в огороде. Может быть, прошло несколько дней, может, неделя.

Однажды в дом пришли две женщины. Одна из них, постарше, угрюмая и молчаливая, осмотрела дом и вещи Майи, а другая, улыбчивая и располагающая к себе, сказала:

— А мы за тобой, Майя! Давай помогу тебе собраться?

— Куда? — насупилась девочка, еще не понимая, что делают здесь эти тетки и куда они хотят ее увезти.

Вбежала, запыхавшись, тетя Тамара. Она набросилась на женщин, отругала их за то, что вошли в дом без нее, напугали ребенка и все такое. А потом подошла к Майе, усадила ее на диван и сама села рядом.

— Вот что, Майя... Маму твою мы отыскать не смогли. Про отца сама понимаешь... Нет у тебя никого. А одной жить нельзя.

— Так я не одна, — возразила Майя. — А вы? А тетя Галя, а дядя Семен?

Тамара тяжело вздохнула и ответила:

— Мы тебя любим все, конечно... Но нельзя тебе вот так и дальше. По закону положено, чтобы был опекун. Но кто же решится? Да и не дали бы нам, условия не те. А раз никого нет из родных, то придется тебе жить в другом месте. Закон такой. Ты за дом-то не переживай, он твой, а мы присмотрим...

— Где же я буду жить?! В каком еще другом месте?! — опешила Майя.

Уже через час она стояла на пороге этого самого «другого места». Две женщины, словно тени, замерли за ее спиной и молча ждали, пока с высокого крыльца к ним спустится солидная дама средних лет в огромных очках в темной оправе и убранными в высокую пышную прическу пепельно-русыми волосами.

Она представилась директором Ольгой Михайловной и, сжав ладонь Майи крепкой рукой, повела ее внутрь трехэтажного серого здания, обнесенного высокой металлической оградой с единственными воротами, на которых Майя заметила огромный-преогромный замок. Из окон глядели дети. Много детей, и все худые, с голодными злыми глазами. Майя поежилась, поняв, что оказалась там, где никогда не хотела быть: в детском доме. В интернате для детей, у которых никого и ничего нет.

Она еле заставила себя переступить порог. Ноги не слушались, к горлу подступили рыдания. И вдруг сбоку метнулась тень. Ольга Михайловна необычайно ловко для своего возраста и комплекции извернулась, ухватила отчаянно сопротивляющуюся фигурку, выволокла на свет и уже приготовилась отчитать, но Майя не услышала гневных слов директрисы. Во все глаза она смотрела на злобно фыркающую тощую девчонку и теперь уже действительно плакала, но то были слезы облегчения, потому что перед ней стояла Вика! Та самая Вика, которая когда-то защитила Майю. Она тоже признала давнюю знакомую и задорно подмигнула ей:

— Ни фиги себе! Художница?! Ну, привет!

И глядя на свою героиню-амазонку, Майя вдруг успокоилась и поверила, что все у нее будет хорошо.

Глава 3

— Вкусно?

— Безумно! Бабушка такие же пекла, только у нее немного посуше выходили.

Майя подозревала, что, пытаясь говорить с набитым ртом, выглядит не слишком привлекательно, но голод не давал ей оторваться от вкуснейших сырников, а не отвечать на вопросы угощавшего ее человека казалось еще более невежливым.

Она и Максим сидели на террасе маленького кафе, и прямо под ними плескалось море. Час был еще ранний, люди спешили на работу, открывали лавки, заводили моторы своих машин, на которых таксовали или уезжали из этого поселка в другие, точно такие же, но где хотя бы была для них работа.

Им подали кофе. Майя заказала капучино, а Максим выбрал американо.

— Не люблю молоко, — пояснил он.

Майе же вкус простого черного кофе не нравился, и она пила его либо с сахаром, либо с молоком, чтобы не было так горько.

Услышав это, Максим пожал плечами:

— А зачем пить то, что не любишь?

— Я не сказала, что не люблю, — возразила Майя. — Я сказала, что не нравится вкус. Но с молоком хорошо.

— Все равно не понимаю, зачем эти компромиссы.

Максим повернул голову и сидел молча, безразлично глядя вдаль и попивая свой американо редкими мелкими глотками. От сырников он отказался, потому что вообще не завтракал так рано.

— Зачем же мы сюда пришли? — удивилась Майя.

— Ради вас. Вы голодная.

Он говорил с ней будто свысока, пользуясь тем, что был намного старше, но Майе чудилась в его тоне какая-то отстраненность. Словно Максиму она вообще была интересна исключительно как любопытный экземпляр. Да, именно экземпляр диковинной породы. Откуда он тут взялся, где живет? Ей очень хотелось его спросить об этом и о многом другом, но он перехватил инициативу, и теперь на вопросы отвечала Майя.

— У вас, стало быть, бабушка есть?

— Была. Умерла давно.

— А родители?

— И родителей нет.

Ей было неприятно об этом говорить, но пусть сразу узнает.

— Я выросла в здешнем детском доме. Потом уехала в город учиться.

Брови Максима поползли вверх.

— Вот оно что! Вы молодец, что получили образование... А вернулись-то зачем тогда, раз никого из близких нет?

— Здесь мой дом, — Майя серьезно посмотрела на Максима. — И друзья мои. А теперь и работа. Я учительница рисования. Знаете, как мне самой не хватало таких занятий, когда я была маленькой? Теперь у ребят есть возможность учиться.

— Рисованию? — хохотнул Максим. — Не самый обязательный предмет.

Майе стало обидно, она снова покраснела и разозлилась на себя за это. Чтобы не наговорить лишнего, девушка набила рот сырниками и молча жевала. Максим с улыбкой смотрел, как она ест.

«Обиделась, — думал он. — Что я за дурак бестактный? Права была Юля, я медведь, не каждый меня вынесет».

— Извините, — примирительным тоном произнес он. — Конечно, рисовать здорово... Просто я не умею. Никогда не умел. А вот то, что вы вернулись и возитесь с детишками, — это подвиг.

— Да никакой не подвиг, мне нравится моя работа!

Ну все, она доела сырники, допила этот свой капучино с жуткой пенкой, тщательно вытерла губы салфеткой. Что теперь? Максим не знал, что придумать, как уговорить ее на новую встречу, а эта встреча была ему нужна! Безумная идея, мелькнувшая в голове еще там, среди скал, медленно, но верно крепла, обретая форму. Безумец! Зачем ему это? Зачем это ей? Девчонка моложе его лет на двадцать.

И пока он судорожно подбирал слова, она ловко воспользовалась его промедлением, чтобы начать собственные расспросы.

— А что скажете о себе?

— Я — Максим.

— Это мне уже известно. Но я вас здесь никогда не видела.

— А я не видел вас.

— Я училась в городе, меня не было дома восемь лет.

— Ну, а я как раз эти восемь лет здесь и живу!

«Мы живем», — хотелось сказать ему, но никаких «мы» больше нет. Как же это больно. До сих пор.

— Ясно, — кивнула Майя.

Максим улыбался, но ей снова почудилось выражение печали в его глазах. Оно промелькнуло, когда он сказал, что живет здесь. Нет, есть в нем какая-то тайна, что-то его гложет, этого странного мужчину. И почему Майе так не хочется вставать и идти домой, расставаться с ним? Глупости. «Даже не думай», — приказала она себе. Это тип явно не из простых: дорогая одежда, часы, держится вон как... Живет точно не в поселке — она всех жителей знает наперечет. Если где и поселился, то там, наверху. Майя подняла глаза к холмам, на которых, сколько она себя помнила, всегда стояли роскошные частные дома, обнесенные коваными оградами и хорошо охраняемые.

— Вы откуда? — спросила она деланно безразличным тоном, указывая на холмы.

— Да, — он не стал темнить. — Но мой дом отсюда не видно: он стоит на утесе, прямо над морем.

«Забавная, делает вид, что ей все равно, а сама сгорает от любопытства».

— Вы купили дом у кого-то?

— Моя семья всегда здесь жила. Я, можно сказать, в родные пенаты вернулся. Как и вы, получается.

— Да. Получается.

— Майя, а что вы еще рисуете, кроме пейзажей? Есть любимое направление?

Она задумалась и покачала головой:

— Да мне, в общем-то, пока все нравится... Я еще не определилась.

— Хорошо, не рассказывайте сейчас, — сказал он. — Я хочу больше узнать о вас и вашем творчестве, но сейчас мне пора по делам. Давайте увидимся еще раз?

Майя изумленно уставилась на него. Да что он нашел в ней?! Это шутка, злая шутка? Она прекрасно представляла себе, какие богачи живут там, наверху, так зачем же одному из них встречаться с простой детдомовкой из маленького городка, почти деревни?

— Чего вы хотите? — настороженно спросила она.

«Аккуратнее, Макс. Девочка не верит тебе, девочка не понимает тебя, вы же из разных миров, и она это различие чувствует. Не вспугни!»

— Просто увидеть вас еще раз, Майя. Вы мне интересны.

Майя все еще не могла поверить в серьезность слов Максима. Что она знает о нем? Может, он вообще извращенец или того хуже. Заманит ее куда-нибудь... Она неопределенно повела плечами, и он вдруг тепло улыбнулся:

— Вот моя визитка. Давайте сделаем так: вы подумаете, и если тоже захотите этой встречи, то просто наберете мой номер. Договорились?

Максим протянул Майе карточку. Она повертела ее в пальцах. Не просто кусок картона, отнюдь. Оформлена со вкусом, немного золота, немного витых линий, но в меру. Максим Дорн...

Она подняла глаза. Не может быть!

— Дорн? Вы — Максим Дорн?!

Чему она так удивилась? Не может быть, чтобы знала — никто не знает, они же так старались... Ах, он дурак! Ведь она работает в интернате и наверняка в курсе!

— Я... мы все вам благодарны! — продолжала тем временем Майя. — Если б не вы, детский дом давно расформировали бы. Ваши деньги нас спасали много лет.

«Не маньяк!» — счастливо подумала она.

«Что ж, теперь вряд ли откажет в свидании», — подумал он.

Только оказавшись в детском доме, Майя поняла, что такое настоящий голод. Есть хотелось постоянно: подростковый организм отчаянно требовал белков, жиров и углеводов, а прыщавая кожа буквально вопила о нехватке витаминов и элементарных средств очищения и ухода. Потом ко всем этим несчастьям добавились месячные, пришедшие к Майе намного позже, чем к ее сверстницам, поэтому она была страшно благодарна Вике, которая в самый первый раз все ей объяснила и поделилась прокладками. Майя втайне завидовала подруге, чья кожа не ведала угревой сыпи, а фигура оставалась тонкой и гибкой, несмотря на гормональные перестройки. Сама Майя страдала невероятно. С началом месячных у нее начала стремительно расти грудь, прибавилось жира в теле, и совсем скоро мальчишки стали задирать девочку, дразнили толстухой и норовили ущипнуть за внушительных размеров ягодицы. Они с высокой худенькой Викой смотрелись вместе, как Дон Кихот и Санчо Панса, и это сделало объектом насмешек уже их обеих. Майя так и не научилась драться, поэтому честь и достоинство свое и подруги выпало защищать Вике. Вот кто всегда рад был помахать кулаками и ногами. Ольга Михайловна только качала головой, слушая, как Вика с виноватым видом признается в очередном акте священной мести. Надо сказать, что драчунье многое сходило с рук, и для Майи это всегда оставалось загадкой. Ее подруга была словно под чьим-то тайным покровительством, потому что безжалостно карающая других ребят директриса по отношению к девчонке-сорванцу сохраняла удивительное спокойствие и вообще лишней раз ее не трогала.

— Может, тебя удочерить хотят? — предположила Майя, когда Вика избежала наказания после довольно серьезного проступка: она стащила на кухне полбуханки хлеба для Любы, самой маленькой из воспитанниц, которая осталась без обеда из-за мальчишек, смахнувших ее поднос на пол и вывернувших ситуацию таким образом, что Люба же и осталась виноватой. Вика успела передать хлеб, но была схвачена уборщицей, злобной теткой, своей свирепостью напоминавшей Майе надзирательниц лагерей смерти времен Великой Отечественной войны, о которой она много читала. Уборщица за волосы притащила Вику в кабинет директора и приготовилась стать свидетельницей расправы над непокорной воспитанницей, но Ольга Михайловна выставила противную бабу вон, а сама долго о чем-то говорила с Викторией. После этой беседы девочка ходила тихая и Майе ничего не рассказывала. Однако, когда Майя предположила, что директор благоволит Вике, потому что ту собирается взять к себе какая-то семья, подруга призналась:

— Меня никто никогда не удочерит. Моя мать против.

Майя была поражена. Нет, у многих ребят здесь матери, да и отцы тоже, были вполне себе живы. По тем или иным причинам их лишили родительских прав, которые, кстати, можно было и восстановить при определенных условиях. И уж никоим образом такие родители не могли воспрепятствовать передаче опеки над их отпрысками другим людям. Но в случае с Викой система дала сбой: во-первых, оказалось, что она не сирота, как многие считали, а во-вторых, ее мать родительских прав не лишена, но дочь почему-то держит в интернате!

— И где же твоя мама? — приставала Майя к подруге, но та только отмахивалась:

— Не знаю, Ольга Михайловна не говорит. Но сказала, что если я не угомонюсь, то только хуже сделаю и себе, и ей. Хотя, знаешь...

Глаза Вики гневно сверкнули, и Майе стало не по себе — таким недетским был этот взгляд, таким пугающим.

— Мне на нее плевать, я ее ненавижу, — прошипела Вика.

— Но это же мама твоя, — напомнила Майя, — разве можно маму ненавидеть?

— Ну ты и дура, Майка! — огрызнулась в ответ Вика. — Она меня бросила! И твоя тебя бросила — скажешь, не ненавидишь ее?!

Майя подумала и поняла, что никакой ненависти по отношению к родившей ее женщине не испытывает.

— Нет, ничего такого...

— Врешь! Она тебя предала! Ты ей смерти должна желать!

— Да ты что?! — испугалась Майя. — Совсем не желаю! А ты?! Ты разве... хочешь, чтобы твоя мама умерла?!

Черные глаза Вики, красивые, обрамленные длинными ресницами, сузились, тонкие черты лица исказились, и девочка прорычала низким грудным голосом:

— Еще как хочу! Пусть пропадет, сдохнет, гадина! Раз она меня бросила, то жить недостойна! Я ее никогда не прощу, даже если на колени передо мной встанет!

Больше они к этому разговору никогда не возвращались и тему происхождения Вики не поднимали.

А потом Майю вызвала к себе Ольга Михайловна и сказала:

— Вот что, собирайся-ка ты... Поедешь в город учиться художествам своим.

Майя, которая готовилась поступать в обычный колледж, понимая, что никто ее в университетах не ждет, а уж о любимом увлечении и вовсе забыть нужно, обомлела.

— Ну? Чего застыла? Вперед!

Ольга Михайловна, любившая напустить на себя грозный вид, на самом деле совсем не была такой суровой, просто должность требовала. Да и Майю директор искренне любила за легкий характер и талант, в который верила сама и в котором смогла убедить меценатов, уже несколько лет как взявших на себя заботы о детском доме, поддерживая воспитанников и в материальном плане, и в нематериальном. Ольге Михайловне стоило лишь показать этим людям работы одаренной девочки, как они моментально дали согласие посодействовать в зачислении Майи в художественную академию и даже оплачивать обучение, если студентке не удастся получить стипендию по итогам регулярных аттестаций. Но как раз это у Майи выходило без особого труда, и все годы учебы не стоили ей и ее спонсорам ни копейки. Долгое время девушка не знала, кого нужно благодарить, потому что имена благотворителей Ольга Михайловна держала в строгом секрете по их же просьбе, но когда Майя вернулась в интернат с дипломом и заявила, что хочет работать здесь учительницей рисования, директору пришлось открыть новой сотруднице кое-какие тайны приютской бухгалтерии. Так Майя и узнала, что на большей части извещений о переводе денежных средств на счета интерната стояла фамилия Дорн.

Глава 4

Майю распирало от желания поделиться случившимся с ней за утро. И с кем же поговорить об этом, как не с лучшей подругой?

Виктория после окончания школы так никуда и не поступила, а осталась в городке. Работала в лавках да магазинах побольше, пока не устроилась в цветочный салон «Лара», названный так в честь его хозяйки Ларисы. Там Майя ее и застала.

Рассказ о невероятной встрече с местным миллионером потряс Вику до глубины души.

— Парень из тех домов, что наверху?! И пригласил тебя на свидание?! — она таращила на Майю свои огромные черные глаза, в которых девятым валом поднималась самая настоящая зависть.

— Я еще не согласилась. Он дал мне свой номер, и я должна позвонить, если решу пойти на эту встречу.

— Божечки, как интересно, Майка, ну какой он, как его зовут?!

— Максим. Максим Дорн, — ответила Майя.

Вика задумалась, но через секунду мотнула головой:

— Нет, не понимаю, о ком ты...

Зато Лариса, стоявшая рядом, сразу подобралась.

— Дорн? Точно? — переспросила она.

Майе показался странным ее напряженный тон, но Лариса пока ничего не собиралась объяснять и лишь выжидательно смотрела на девушку. Та кивнула:

— Да точно, вот! — она продемонстрировала визитку, которую дал ей Максим.

— Лет сорок пять на вид, короткая стрижка, волосы с проседью, серые глаза? — продолжала допытываться Лариса.

Майя пожала плечами:

— Верно. Ну, хотите я вам его нарисую, чтобы точно опознали?

— Не хочу. Я его знаю. Вернее, видела несколько раз. Помнишь, Вика, мужик за цветами приходил? Ну ты еще ему глазки строила!

Брови Майи поползли вверх, она уставилась на подругу, которая смущенно прикусила губу.

— А, вспомнила, — пробормотала Вика и, схватив лейку, скрылась среди горшков с цветами, но тут же снова высунулась оттуда и протараторила:

— Только разочаруем мы тебя, Майка. Женат он!

— Как женат?! — ахнула Майя.

Она попыталась осмыслить услышанное. Женат. Максим, галантный кавалер, приятный во всех отношениях мужчина, пригласивший ее на свидание — и женат? Нет, стоп, а кто ей сказал, что это будет свидание? Романтическую встречу он не обещал, она все это сама себе выдумала. Максим лишь выразил интерес к ее творчеству. А если он финансирует интернат, то... Может быть, она заинтересовала его как художница? Ну конечно! Вот почему Майя все время испытывала ощущение, будто он изучает ее, присматривается, прошупывает. А вдруг Максим предложит какой-нибудь арт-проект?

Лариса следила за лицом Майи и заметила, как недоумение и досада сменились оживлением и даже радостью.

— Тогда мне все понятно! — облегченно вздохнула девушка. — Максим увидел, как я рисую, и решил поддержать. Финансово. Я ему рассказала, что училась в городе, но теперь работаю в интернате учительницей, а он посмеялся, мол, так себе карьера. И в конце завтрака вдруг предложил еще раз встретиться, заявив, что хочет поговорить о моем творчестве. Вот!

Лариса, скрестив руки на груди, с сомнением покачала головой:

— В принципе, звучит правдоподобно... Он не пристаивал к тебе? С поцелуями там, за талию приобнять?

Майя замотала головой:

— Вообще ничего такого! Слушайте, а откуда вы его знаете? И то, что женат? Он тут часто бывает?

Лариса потерла лоб, припоминая:

— Да нет... Сейчас вообще не бывает. Тот раз, когда он цветы покупал, был единственным за долгое время. Мы запомнили его визит, потому что он попросил сорок пять красных роз. Представляешь?

— Ого! — поразились Майя.

— Так ты нормально расскажи все, Лара, — возмутилась Вика, вновь показываясь из-за широких листьев монстеры.

— Поливай давай! — шуганула ее Лариса и повернулась к Майе.

— Значит, было это... с месяц, наверное, назад... Нет, — сама себя перебила она, — расскажу с самого начала.

Майя облокотилась на стойку и приготовилась слушать.

Лариса жила в их маленьком городке уже десять лет. Приехала за мужем-коммерсантом на его малую родину, да так они здесь всей семьей и остались. Муж спустя какое-то время променял жену на конфетку послаще и помоложе, но Лариса рук не опустила, а отсудила у изменника цветочный бизнес и теперь рулила им сама. Справилась. Хоть и трудно пришлось, но она выплыла и детей в одиночку подняла, ну да не о том рассказ.

Восемь лет назад, как раз после отбытия Майи на учебу в город, в один из особняков на холмах въехала семейная пара. Охранники и obsлyга в те дома набирались из жителей городка, поэтому сплетен о состоятельных хозяевах всегда было хоть отбавляй. Не обошла людская молва стороной и новых обитателей дома, что стоял чуть поодаль от остальных, над самым морем.

— Дорна это сынок, — делилась Анна Васильевна, у которой сын работал на пропускном пункте охранником. — Старик Дорн с женой куда-то переехали, теперь в его доме сын поселился. И тоже с супругой.

Потом Лариса и сама увидела вновь прибывших: по недавно отстроенной набережной неспешно прогуливались высокий статный мужчина с чуть тронутыми сединой светлыми волосами, зачесанными назад, и женщина. Вот ее Ларисе описать было сложно. Ростом она не уступала своему мужу, но тоненькая, почти бестелесная, с идеально прямой спиной и тяжелым узлом черных волос на затылке. Лицо же ее было поразительным.

— Красивая? — с легкой завистью спросила Майя.

— Да, красивая. Но таких красивых много! Возьми хоть нашу Вику, — махнула рукой Лариса.

Что правда, то правда. Виктория всегда была более чем просто симпатичной девочкой, а сейчас и вовсе расцвела. Она отличалась от всех девушек и женщин городка какой-то особой породистостью. Майю природа, конечно, тоже не обделила, но она честно готова была отдать подруге пальму первенства.

Супруга же Максима Дорна была не просто хороша собой — она буквально притягивала взгляды. Ларису, однако, эта женщина пугала.

— Я тогда прошла мимо них и повнимательнее рассмотрела. Мужчина приятный, симпатичный, глаза добрые. А она... Так на меня зыркнула — я к месту приросла, клянусь! Будто окаменела под ее взглядом. Глазищи у нее жуткие. Темные и такие холодные, сталью отливают. Пробирает до самого сердца. Странное ощущение и весьма неприятное. Я шаг ускорила и мимо бежать.

— Интересненько... — протянула Майя, сразу же попытавшись представить себе загадочную даму с холодными черными глазами. Что за образ, как бы она ее нарисовала?

— Поэтому, — продолжила Лариса, — тебе никто не скажет, как она выглядела. Ты подходишь, видишь эти глаза, тонешь в них и в ужасе сматываешься. А что там с лицом у нее, я даже толком не помню.

— Ну, а дальше-то что было? — спросила Майя, и Лара продолжила рассказ.

Восемь лет Дорны тихо жили в своем особняке. В городок спускались редко, прогуливались, ни с кем не общаясь и даже друг с другом почти не разговаривая. Молча появлялись и молча исчезали. Но однажды жена Дорна исчезла насовсем.

В какой-то момент, примерно полгода назад, все вдруг поняли, что давненько эту парочку не видели. Люди пошептались и сообща высчитали, что супруги не появляются на набережной вот уже несколько месяцев. Бросились к Анне Васильевне, а ее сын молчит да отнекивается: дескать, ничего не знаю, люди занятые, деловые, бизнес у них — наверное, в мегаполис вернулись. Да только сам Дорн по-прежнему жил в особняке, просто выходить из него почти перестал. Но его хотя бы видели, а вот женщину — нет. К несчастью для сплетников, Дорны не нанимали на работу никого из местных. Всю работу по дому у них выполняли две женщины, жившие там же: одна помоложе, другая постарше, и обе на контакт не шли.

Майя слушала, затаив дыхание. Воображение рисовало ей мрачный замок с темной башней над бушующим в ночи морем, а из окна башни холодным блеском сияли глаза заточенной в неволе женщины. Девушка тряхнула головой, картинка исчезла. Привидится же такое!

— И где его жена теперь? — спросила Майя.

— А никто ее больше не видел. Выходит, год как пропала, — таинственным голосом ответила Лариса. — Может, уехала. Может, заболела.

— Или вообще умерла, — пожалала плечами Майя.

— Но он же ей цветы покупал! — пробасила из зарослей Виктория.

Месяц назад Максим Дорн появился в городке снова, но по-прежнему один и не ради прогулки по набережной. Мужчина направился в магазин «Лара», где за прилавком как раз стояла Вика.

— У нашей Викуши в голове ведь одна мысль — выйти замуж да повыгоднее! Она как увидела Дорна, так сразу стойку и сделала. И так встанет, и сядет, со всех сторон дала себя рассмотреть.

— А он, между прочим, заинтересовался! — обиженно прогудела Виктория.

— Это да, — подтвердила Лариса. — Скажу честно, он был даже как будто ошеломлен поначалу, когда вошел и увидел Вику. Но она так старалась обаять его, что бедняга испугался и сразу сообщил, что цветы берет для жены. Викуша тут же заткнулась и все сделала, как просили.

Вика надулась и низко склонилась над чахлым кустиком, осторожно расправляя листья.

— Понятно... — задумчиво протянула Майя. — Таинственная история. Жена как бы есть, а как бы и нет. Что же случилось?

— Да откуда нам знать? — Лариса развела руками.

— Так что ты, подруга, будь начеку, — предупредила Вика. — Во-первых, он женатик, а с такими романтика быстро боком выходит. А во-вторых, уж больно странная вся эта история с его женой. Очень мне тревожно!

— Ты что думаешь, он ее убил, тело спрятал, а сейчас всем врет? — расхохоталась Майя.

История ее нового знакомства стремительно обрастала любопытными и несколько зловещими подробностями, но девушку это будоражило и даже вдохновляло, ведь сколько эмоций, образов и красок скрывает в себе тайна!

— А как ее зовут, жену эту, не знаете? — спросила Майя у Ларисы.

— Юлия, — ответила та. — Юлия Дорн.

Вернувшись домой после завтрака с Майей, Максим обнаружил в гостиной Алексея Ярцева, сотрудника его компании, которого частенько гоняли к Максиму, управляющему делами дистанционно, за срочной «живой» подписью на документах. Алексей Максиму нравился: несмотря на молодость это был грамотный специалист да и в общении приятный. Позитивный и спокойный, а таких все любят.

Листая папку с бумагами, Максим поинтересовался:

— Как там дела в офисе? Что Федор?

— Все в штатном режиме, строимся, — с улыбкой ответил Алексей. — Новый гостиничный комплекс начинаем. На следующей неделе Федор Владимирович вам направит документацию по нему, а в среду планируем онлайн-презентацию... Хотя...

Алексей немного замялся, но продолжил:

— Федор Владимирович просил поинтересоваться, не собираетесь ли вы лично поприусуществовать. Вы, как бы это сказать, немного выпали из процесса...

Парню было ужасно неловко говорить такие вещи одному из владельцев компании, и он отчаянно пытался подобрать правильные слова.

Максим усмехнулся и помог Алексею:

— Федор Владимирович, вероятно, изволил выразиться более однозначно? Что я на бизнес забил и совсем дела забросил?

Алексей с виноватым видом уставился в пол.

— Не робей, не ты же это говорил и думал. В принципе, все так и есть... — Максим вчитался в очередную справку, подумал и поставил подпись. — Может, и приеду, передай там. Наверное, Федор прав: что-то мой «карантин» затянулся.

С этими словами он вручил Ярцеву пачку подписанных бумаг, и тот принялся утрамбовывать их в портфель, избегая встречаться глазами с боссом.

Большинство работников компании считали, что знают, почему Максим перешел на удаленный формат работы, и сочувствовали ему, но лишь немногим — и Алексею в их числе — было известно, что настоящей причиной, по которой Дорн вот уже год не появляется в офисе, была непонятная неприязнь, с недавних пор возникшая между ним и Федором Лисовским, вторым владельцем их строительного холдинга. Впрочем, и эти избранные ломали голову над природой конфликта между партнерами. Ответов не было, однако и напряжение между Дорном и Лисовским, слава богу, не нарастало, так что работники могли быть спокойны — передел бизнеса и волна сокращений им не грозит.

Закрыв дверь за Алексеем, Максим повернулся и нос к носу столкнулся с Варварой. Пожилая домработница бесшумно перемещалась по дому, и Максим не раз вздрагивал, наткнувшись где-нибудь в темном углу на похожую на тень фигуру в неизменном черном наряде. Варвара и волосы красила в цвет воронова крыла, от чего порой напоминала Максиму смерть, как ее изображают в некоторых сказочных книжках. Не хватало только плаща с капюшоном и косы. Однажды он даже хотел подарить их старухе смеха ради, но Юлия отговорила.

Юля... Когда это кончится? Когда воспоминания перестанут резать ножами где-то в груди?

— Максим Евгеньевич, вы завтракать будете? — с холодной вежливостью спросила Варвара.

Вот всегда она такая — как рыба мороженая! И ведь не потому что стерва или его не любит. Он точно знал, что Варвара ему предана, как предана всем, на кого укажет ей обожаемая хозяйка. Все в этом мире меняется, но не Варвара...

— А что у нас сегодня на завтрак?

— Сырники, Максим Евгеньевич.

— Что-о-о? — Максим не поверил своим ушам: ничего себе совпадение!

— Сырники, — терпеливо повторила женщина, не понимая, чему так изумился хозяин.

— Ну, сырники так сырники, — кивнул он, широко улыбаясь. — Со сметаной подавай!

— И американо, — скорее, констатировала, чем спросила Варвара.

Максим подумал секунду и остановил ее:

— Ты знаешь, нет. Выпью сегодня капучино.

— Вы же никогда его не пили. Вам не нравится.

— Ну как мне может не нравиться то, чего, как ты справедливо заметила, я даже не пробовал? Вот сегодня, кажется, самое время сделать это!

И Максим отправился переодеваться, оставив позади донельзя удивленную домработницу.

Из цветочного салона Майя отправилась в интернат. Несмотря на то, что от бабушки ей достался дом, поселиться в нем она не могла. В первые годы соседи, как и обещала тетя Тамара, приглядывали за жилищем, наводили порядок в комнатах, ухаживали за огородом, а дядя Семен починял кое-что из сантехники. Но потом все эти замечательные люди постарели, начали болеть, и им стало физически тяжело тянуть еще чье-то хозяйство, кроме своего. Вот и вышло, что к моменту возвращения Майи дом, в котором она родилась и провела свое детство, стал для житья непригоден: крыша протекала, печная стенка осыпалась, участок вокруг дома зарос бурьяном, шланги для воды прохудились, из-за чего перестали функционировать даже элементарные удобства в виде туалета и умывальника. Одно окно вообще оказалось с трещиной — то ли мальчишки местные мячом зарядили, то ли влезть кто пытался. И так как денег на ремонт у молодой учительницы пока что не предвиделось, Ольга Михайловна Зарубина, бессменный директор интерната, тоном, не терпящим возражений, заявила:

— Нечего тебе по углам ютиться! Жить будешь в интернате, комнату я тебе выделю. Зато на работу недалеко ходить, к тому же посуху в любую погоду.

Это было правдой. Учебный корпус соединялся с жилым крылом закрытым переходом, поэтому Майе не требовалось даже одеваться, чтобы дойти до класса. Комната, где поселила ее директор, была, конечно, маленькой, но много ли места нужно, чтобы выспаться, почитать книжку и передохнуть между занятиями? Питалась девушка в интернатской столовой вместе с другими педагогами, а в качестве художественной студии трудовик отвел ей в своей мастерской самый светлый угол.

Именно здесь девушка сейчас и стояла, мечтательно глядя в неведомые дали своих грез, а рука ее тем временем двигалась, набрасывая эскиз, штрихуя, затемняя, высветляя, растушевывая... И вот уже с холста смотрел на Майю средних лет мужчина со светлыми волосами и глазами, в которых таилась странная неизбывная тоска. Отступив от мольберта, девушка долго вглядывалась в это лицо, всего за одну встречу изученное ею до мельчайших деталей, но только сейчас раскрывшееся как оно есть.

— Вот ты какой, Максим Дорн, — проговорила Майя, обращаясь то ли к портрету, то ли к тому образу, который еще жил в ней, продолжая трансформироваться.

Почему она нарисовала его таким печальным, ведь к концу их завтрака он был уже гораздо веселее, шутил и смеялся? Ей было жаль Максима. Что бы ни случилось у них с женой, он хороший человек. Помогал интернату, помог и Майе — она не выучилась бы без его денег! Надо поблагодарить. Поблагодарить не только от имени всех воспитанников, но и от себя лично. Даже если эта встреча, о которой он просил, станет последней, и они больше не увидятся, она должна сказать ему, какую неопенимую услугу он оказал стольким людям! И может быть, он снова улыбнется. Ему так идет улыбка... Решение созрело. Майя опустила руку в карман платья и вытащила визитку Максима.

Сигнал мобильного раздался, когда Дорн уже заканчивал изучать счета, переданные ему Варварой. М-да... Суммы, которые переводились в местный интернат для сирот, поражали воображение. А нескольким воспитанникам, оказывается, еще и учебу в колледжах оплачивали! Максим даже присвистнул. Деньги, конечно же, нужно выделить: это не обсуждается, он дал слово.

Вот тут экран смартфона и ожил. Высветился незнакомый номер, и Дорн хотел уже сбросить звонок, но любопытство взяло верх. Если это очередной спамер или мошенник, всегда можно отключиться, что он теряет?

— Максим? — раздался в трубке нежный тихий голосок, и он моментально узнал его. — Это Майя. Мы с вами сегодня завтракали.

— Я еще не забыл вас, Майя! — Максим улыбнулся и постарался передать эту улыбку голосом.

— Мы договорились, что я позвоню... — она немного запинаясь. От неловкости? Стыда? Какая глупышка, наивная и чистая, боже мой, у Максима даже сердце сжалось. Он давно отвык от таких вот девочек и просто не знал, как с ними разговаривать.

Но Майя нашла в себе силы продолжить:

— Вы просили подумать. Я подумала.

— И ваш ответ? Не томите, Майя! — взмолился Максим.

— Давайте встретимся.

— Вы даже не представляете, как порадовали меня своим согласием! — воскликнул Максим. — Назовите день и час, когда вам удобно?

Молчание.

— Майя? Что такое?

Несмелое:

— Я не знаю. Я думала, вы решите...

Оп-па, он действительно не представлял, как общаться с провинциальными дурочками, привыкшими к мысли, что все и всегда решает мужчина. Ей даже этот звонок дался с огромным трудом. Поди, чувствует себя Татьяной Лариной во главе марша феминисток, а он ждет от нее еще каких-то решений.

— Хорошо, тогда давайте завтра часов в восемь вечера. Вы свободны?

— В восемь? Свободна. А где мы встретимся?

— Я заеду туда, куда скажете. Где вы живете, Майя?

— Ну... я... — она совсем смутилась, — лучше я буду ждать там, где вам удобнее будет меня забрать. А куда мы пойдем? Как мне одеться?

Ого, девочка не так уж провинциальна, сечет! Так, что же ей предложить... Ну явно не высокую кухню: наутро после визита в привычные «мишлены» пресса, а за ней и общественность взорвутся недоумением. Тут же прискачет Федор, и кто его знает, как он отреагирует... Нет, лучше пока не дергать тигра за усы и провести вечер подальше от всевидящих очей светских сплетников и сплетниц.

— Одевайтесь, как вам удобно, Майя, мы по дороге решим, где поужинаем, хорошо?

— Хорошо, Максим. Так где мне вас ждать?

Глава 5

Следующий день пролетел незаметно, и уже приближался тот час, когда Майя должна была встретиться с Максимом, как вдруг она поняла, что ей совершенно нечего надеть. Летние сарафаны не подходили для деловой, как предполагалось, беседы, а в одежде посolidнее станет жарко. Девушка вздохнула и набрала номер Виктории, надеясь, что та не унеслась на очередное свидание. Ей повезло: сегодняшней вечер Вика намеревалась провести дома, посвятив время уходу за собой, но ради Майи тут же согласилась отменить спа-процедуры и сделать все возможное, чтобы превратить Золушку в принцессу.

Жила Вика в собственной небольшой квартире в одном из новых домов, которые лет десять назад построили в центре городка. Да, теперь поселок мог по праву считаться пусть маленьким, но городом. За те годы, что Майя провела в интернате, а потом в академии, родные места так изменились, что их трудно было узнать. В детстве она часто носилась по каменистой скользкой земле и месила ногами грязь там, где морская вода застаивалась в изрезанной береговой линии. Теперь здесь обустроили великолепный песчаный пляж и набережную, с которой вид на море простирался до самого горизонта.

Улицы одевались в асфальт, кутались в зеленые скверы, и вместо совсем уж старых лачуг вырастали на них новые невысокие каменные дома, а в центре появились даже многоэтажки, в одной из которых Вике и выделили квартиру. Была она небольшой, но светлой и с просторной гостиной, которую без проблем можно было разделить на крохотную кухоньку и еще одну комнату. Вика звала Майю жить к себе, но та категорически отказалась:

— С ума сошла? При твоей бурной личной жизни я буду только мешать. А если у тебя появится постоянный парень?

Так Майя поселилась в интернате, а Вика — в своих «хоромах», по ее собственному выражению. Она обустроила квартиру простенько, но уютно, и Майя обожала бывать в гостях у подруги, пить чай и вести долгие душевные беседы обо всем на свете. Но сегодня было не до чаепитий: перед Майей стояла важная стратегическая задача — одеться красиво и ярко, но не вульгарно.

— Надо подобрать тебе что-то соблазнительное! — категорично заявила Виктория с видом знатока, возведя к потолку указательный палец.

— Давай исходить из предпосылки, что это все-таки деловая встреча, — твердо сказала Майя. — Мы же помним, что Максим женат, значит, он зовет меня не для любовных дел.

— Это не отменяет того, что ты красивая молодая женщина и должна быть очаровательной, — отрезала Вика. — Кроме того, знаешь, как говорят? Жена не стенка...

Майя сдвинула брови, но подруга, казалось, не заметила ее неодобрительной реакции.

Обозрев свои запасы самых разнообразных платьев и костюмов, Вика вытянула из общей кучи нечто серебристое на завязочках и приложила к плечам Майи. Нижний край неизвестного наряда пришелся той на середину бедра. Высоковато, на ее вкус.

— Ой, — сконфузилась Вика, — прости, это не платье, а туника, к ней еще низ нужен...

Но Майю трудно было обмануть:

— Не рассказывай сказки, дорогуша. На что спорим, ты носишь эту шмотку без всякого низа?

Вика кокетливо отвернулась, пряча улыбку. Что верно, то верно. При ее росте такое платье должно было едва прикрывать ягодицы, но девушка в поисках романтических отношений не желала скрывать ни одного сантиметра своих достоинств (в рамках приличий, конечно же), а в достоинствах у Вики имелись целых две стройные и очень длинные ноги. Майя считала, что необязательно сверкать трусиками, тем более, что у Вики вся фигурка была изумительной кра-

соты и изыска, так что хватило бы и простого приталенного сарафана, чтобы парни со всей округи пооткрывали рты. Но ее подруга, глядя на пышнотелых красоток, пользующихся оглушительным успехом, ставок на свою скелетоподобную, по ее мнению, конституцию не делала, и пыталась взять тем единственным, что признавала в себе прекрасным. «Волка ноги кормят», — любила повторять она, и звучало это забавно: фамилия у Вики была как раз Волкова.

Майя восхищалась необыкновенной красотой своей подруги. Она часто размышляла над тем, кто же у Вики родители. Не могла такая сказочная принцесса родиться в семье алкоголиков или наркоманов и прочих неблагополучных элементов. К тому же, как она помнила, мать Вики оставалась в своих правах и даже имела решающий голос в обсуждении судьбы своей дочери. Именно поэтому Вику так никто и не удочерил, хотя наверняка желающие были. Симпатичных здоровых малышей разбирают в первую очередь. Вероятно, это было еще одной причиной дикой ненависти Виктории по отношению к родительнице: мало того что бросила, так еще и жизнь устроить не дала!

Впоследствии Майя узнала от Ольги Михайловны, что Вика была одной из тех воспитанниц интерната, которым Дорны готовы были оплатить обучение в любом вузе, но девушка сама отказалась учиться, сочтя себя недостаточно способной и выбрав более легкий путь в жизни. Не любила Вика учиться, даже читать ей было лень, а ведь она обладала на редкость хорошей памятью! Майе вообще казалось, что у подруги необычайно высокий интеллект, который она то ли намеренно прячет, то ли признать отказывается. Вику то и дело накрывало цунами эмоций, и в такие периоды она ругала себя, называла никчемной, бездарью, бесталанной. Подобных людей всегда безумно жаль, ведь все, казалось бы, дано человеку, а он талант в землю зарывает или попусту растрчивает.

Иногда Майя думала, что для Вики, пожалуй, замужество действительно могло бы стать лучшим решением. Она умела быть верной и преданной, потому что всем сердцем прикипала к тому, кого считала «своим» человеком. Так произошло и с Майей: защитив от агрессивных мальчишек, Вика «приручила» ее и готова была оберегать и дальше любой ценой. «Вот бы повезло ей встретить хорошего парня», — думала Майя. Только кого она встретит в этой дыре? Майя хоть и любила родной городок, но прекрасно понимала, что ловить здесь нечего: перспективные молодые мужчины наперечет. Да и что такое «перспективный» в местном понимании? Не пьет, не бьет, готов зарабатывать. Но ведь этого отчаянно мало для настоящей любви! А где взять больше? В городе? О, Майя теперь слишком хорошо знала, каким великим обманом оборачиваются иллюзии, обещанные его сверкающими башнями. Ее собственное сердце взяли и разбили об этот стеклохром да так, что оно никак не склеится...

— Кажется, я нашла. Эй, Майка!

Майя очнулась от дум, когда Вика, устав звать, просто пихнула подругу локтем.

— А? Что?

— Конечная станция, выходим! — гаркнула Вика и захохотала. — Опять грезы наяву? Смотри!

И Виктория потрясла перед Майей чем-то необыкновенным. Платье. Длинное, но не в пол. Вике оно было по колено, а Майе доходило до середины икр. Без рукавов, плечи прикрывало кружево, изящно обрамляющее зону декольте; чуть приталенное, но свободно струящееся по телу. Майя провела рукой по светло-бежевой ткани и ощутила ее прохладную гладкость.

— Какая красота! — ахнула она. — Вика, откуда у тебя это?

Та пожала плечами:

— Купила на какой-то распродаже в городе, но сто раз пожалела. Оно мне совершенно не подошло. Размер мой, но модель... Вот тебе классно будет. Примерь!

Майя выскользнула из простого летнего сарафана и надела платье. Шелк приятно холодил обнаженную кожу, кружево мягко легло на плечи и грудь. Вика восхищенно захлопала в ладоши:

— То, что нужно! У тебя такая классная фигура, сразу все изгибы обрисовались. Не то что я, палка!

Майя подошла к большому зеркалу и замерла: оттуда на нее смотрело поистине неземное создание. То ли зеркало у Вики было волшебным, то ли платье так оттеняло внешность девушки, но выглядела она сногшибательно красивой. Янтарные глаза горели на лице, контрастируя с почти белыми волосами. Ненавистная полнота испарилась, и теперь красивое декольте плавно перетекало в откуда-то взявшуюся талию, которая столь же плавно расширялась в бедра, и силуэт напоминал вазу. Пока Майя вертелась перед зеркалом, не в силах поверить, что вот это она, Вика притащила подходящие к платью босоножки которые были ей тесноваты, а на маленькие ступни Майи сели, как влитые.

— Красотка! — вынесла вердикт Виктория, но тут же спохватилась: — Духи! И макияж. Не спорь! — подняла она руку, заметив, что Майя собралась протестовать. — Я сделаю из тебя звезду! Да этот Дорн забудет все на свете и даже свою жену, какой бы роскошной бабой она ни была!

Вика умела обращаться с косметикой, и уже через полчаса Майя изумленно хлопала заметно удлинившимися ресницами, обзревая нежную бархатистую кожу, пухлые губы с легким манящим блеском, умело подведенные глаза, ставшие еще ярче.

— Волосы оставь распущенными, — посоветовала Вика. — Макияж у тебя «вечерний натюрель», так сказать, и натюреля лучше дать побольше.

Она отступила, разглядывая плоды своих трудов, и удовлетворенно улыbnулась:

— Ты божественно хороша! Удачи!

Майя не находила слов. Ей тоже очень нравился результат, но она все еще не знала точно, зачем Максим Дорн встречается с ней, и от этого делалось немного тревожно. Что если он примет ее старания выглядеть хорошо за попытку оболыщения? К чему это в итоге приведет? Не захочет ли он просто уложить ее в постель, развлечься и выбросить вон?

Гоняя в голове беспокойные мысли, Майя вышла из дома Вики и направилась к небольшому скверу недалеко от набережной, откуда Максим обещал забрать ее ровно в восемь вечера.

С трудом сохраняя равновесие на каблуках, Майя корила себя за то, что поддалась на уговоры Вики и не надела собственные босоножки, пусть и не такие красивые, но гораздо более удобные. Она уже подходила к скверу, почва вокруг которого не была покрыта асфальтом: там лежал щебень, и Майя прокляла все и вся, ковыляя по камешкам. Занятая борьбой с силой тяжести и следя за тем, чтобы не споткнуться, она совершенно не обращала внимания на происходящее вокруг, а потому два подлетевших мопеда заметила лишь тогда, когда один из них преградил ей путь. Чуть не врезавшись в наездника, девушка остановилась и вынырнула, наконец, в суровую реальность, которая предстала перед ней в лице двоих молодых парней, вид имевших весьма угрожающий.

— Куда спешишь, красавица? — осклабился тот, с кем чуть не столкнулась Майя, и протянул руку, намереваясь ухватить ее за грудь, выступающую над нежным облаком кружев.

Майя инстинктивно отступила на шаг, почувствовала, как тонкий каблук проваливается в щебень, и испугалась. Если она сейчас упадет, эти набросятся! Но тут подал голос второй парень:

— Это Майка, подружка Викина, не тронь!

Первый убрал руку и обиженно глянул на говорившего. Тот слез с мопеда и подошел к Майе с наглой улыбочкой.

— Слышь... — изо рта у него несло рыбой и пивным перегаром, и Майя с трудом сдержала рвотный позыв.

— Вике скажи, что мне с ней перетереть надо.

Майя подняла глаза и взглянула на парня со смесью страха и отвращения. Это был Валька Камаев, бывший воспитанник интерната, державший в страхе всю округу. Тот самый пацан, что когда-то чуть не сбросил Майю с обрыва и испортил ее рисунки. Валька, который, едва справив тринадцатилетие, с чего-то решил, что тестостерон, активно производимый его телом, дает право на все: избивать мальчишек помладше, лезть под юбку девочкам, швыряться в преподавателей чем потяжелее. Потом добавились побеги из интерната, воровство, грабежи. В восемнадцать лет, едва выпустившись из их заведения, Валька впервые сел. Поперся с бандой на какое-то “пацанское” дело и загремел на два года в колонию. Вика делилась с Майей всеми подробностями жизни их городка, и про Вальку, принесшего с зоны кличку Катран, тоже упоминала.

Почему Катран, Майя даже думать не хотела — ее куда сильнее пугала другая новость: Валька осознал вдруг, что Вика, которая поколачивала его всю их совместную бытность в интернате, стала самой красивой девчонкой в округе, а потому должна принадлежать ему — наикрутейшему пацану. Вика, разумеется, с его тезисами была согласна лишь наполовину — только в той части, где говорилось о ее достоинствах. Что касается посягательств Вальки на ее тело, то здесь у Вики имелось немало аргументов против, вот только Катрану на них было начхать. Конечно, Вику он все-таки немного уважал и рук пока не распускал, но Майю очень тревожила эта ситуация. Парень периодически появлялся в поле зрения Вики и открыто призывал ее не ломаться и пойти уже с ним гулять и вообще... Вика отказывалась, Валька не настаивал и отваливал, однако позже появлялся снова, и все повторялось. Что, если однажды сдерживающий уголовника механизм откажет? При этом Валька вел себя прилично, открыто закон не нарушал, так что рассчитывать на то, что его закроют еще на пару лет за какое-нибудь другое преступление, не приходилось.

Майя попыталась обойти Катрана, но тот ловко ухватил ее за руку и больно сжал повыше локтя:

— Запомнила или мне повторить?

— Запомнила, — процедила Майя. — Пройти дай.

— А куда такая красивая-то? — удивился Валька. — Мужик завелся? А Толян, например, чем тебе плох?

Толян ухмыльнулся, продемонстрировав пару лакун в зубном ряде, и Майе стало не по себе. Час поздний, народу вокруг почти нет, а эти, похоже, под парами, и способны на все. Она сделала еще один шаг в сторону, Валька повторил ее маневр, и тут вдруг раздался шорох шин: к месту, где они стояли, подкатил огромный автомобиль с включенными фарами. Еще не было темно, но слепящий свет неприятно резал глаза.

— Майя! — разнеслось в тишине. — Вот ты где? А я все жду. Полезай-ка!

Узнав голос Максима и увидев его самого, наполовину вылезшего из машины, Майя молниеносно вырвала руку из цепких лап Катрана и нырнула в салон. Парни, щурясь и закрывая глаза ладонями, зло сплевывали и матерились. Вдавлив педаль газа в пол, Дорн подмигнул девушке, и автомобиль сорвался с места.

— Простите, что опоздал, — мгновенно сменив тон на официальный, сказал он, глядя на дорогу. — Надеюсь, я не прервал какую-то особенно важную и приятную беседу? Эти юноши не похожи на людей из вашего дружеского круга.

— Боже упаси от таких друзей, — проговорила Майя, переводя дух. — Спасибо вам, Максим, вы появились очень вовремя.

Отъехав на порядочное расстояние от сквера, Максим остановил машину и повернулся к Майе.

— Не было времени произнести это при встрече, — произнес он с серьезным видом, — но вы потрясающе выглядите. Вот!

Дорн потянулся на заднее сиденье, и перед Майей возник огромный букет белых роз.

— Спасибо, — смущенно ответила девушка и, вдохнув аромат цветов, зажмурилась от удовольствия. — Какие красивые...

— Но с вами им не посоперничать, — улыбнулся Максим.

Майя не нашла что ответить, кроме повторного «спасибо», и опустила глаза.

— Я обещал, что мы вместе решим, где поужинаем, — напомнил он. — Есть ли у вас пожелания?

— Да нет... Я как-то не думала... Здесь все так изменилось за время моего отсутствия, пожалуй, вы теперь знаете эти места получше меня!

Максим кивнул и снова завел мотор:

— Что ж, тогда постараюсь не ударить в грязь лицом! Есть одно местечко. Надеюсь, вам понравится. Пристегнитесь, мы выезжаем на трассу!

Об этом уютном ресторанчике, затерявшемся где-то на полпути между мегаполисом и его спутниками, Майя, конечно же, никогда не слышала.

Чтобы попасть сюда, нужно было довольно далеко отъехать от городка, потом свернуть с трассы на еле заметную среди зарослей дорогу, проехать еще километров пять по выбоинам, и только тогда перед автомобилем внезапно возникала широкая полоса вымощенного булыжником подъезда к небольшому приземистому зданию, облицованному камнем на манер средневековых кабачков. Вход в ресторанчик был выполнен в виде каменной арки, закрыт тяжелой дубовой дверью с чугунным кольцом в качестве ручки и украшен выюнком. По обе стороны от арки горели два факела, вставленные в держатели, а чтобы дверь отперли, гости должны были трижды постучать кольцом о чугунную плашку под ним. Этот ритуал и общий антураж заставили Майю трепетать от восторга, а уж внутри ее душа художника и вовсе возликовала. Полумрак, освещаемый всполохами пламени настенных факелов, дрожащие тени на каменных стенах, грубые деревянные столы и стулья, посуда наподобие старинных глиняных горшков... При этом у Майи не было ощущения ненатуральности и утрированности: никаких ржавых цепей, скелетов и дыбы в углу — все выглядело так естественно, как будто они с Максимом и в самом деле перенеслись в доренессансную Европу. Зал для гостей оказался небольшим, но и народу было совсем немного, и Майя побилась бы об заклад, что не встретит здесь никого из знакомых, а взглянув на цены в меню, поняла, что причина этого вовсе не в том, что жители городка не знали о ресторане или не испытывали интереса к эстетике средневековья. Один салат со свиной и грибами стоил баснословных денег.

Наверное, что-то такое отразилось у девушки на лице, потому что Максим вдруг забрал у нее меню и предложил положиться на его рекомендации.

— Я часто бывал здесь раньше, хорошо знаю кухню. Уверен, вам понравится мой выбор, — сказал он.

Майя молча кивнула, прекрасно понимая, что Максим просто не хочет ставить ее в неловкое положение, ведь самый простой заказ потянет почти на всю ее месячную зарплату в интернате, а она ему не жена и не невеста, так с чего же, скажите на милость, он должен выкладывать такую сумму за ее ужин? Пусть лучше гостья не знает, сколько денег проест.

Она почти не слушала, что Дорн говорит официанту, одетому в темный балахон из грубой ткани и записывающему позиции ручкой с настоящим гусиным пером на куске чего-то непонятного. Что это, береста? Или на чем там писали пятьсот лет назад? У Майи разбежались глаза. Каким живописным было это место, как хотелось схватить карандаш, бумагу, а лучше краски... Интересно, какими еще материалами уместнее всего будет изобразить убранство ресторанчика? И на каком холсте, в какой технике? Майя задумчиво рассматривала орнаменты на гобеленах, рисунок каменной кладки вокруг камина, композиции из сухоцветов в

углах и так углубилась в собственные мысли, что не сразу услышала, как Максим обращается к ней. Ему пришлось взять ее за руку, и девушка вдруг подскочила, как от удара током. Максим с беспокойством посмотрел на Майю:

— Все в порядке? Вы так вздрогнули...

— От неожиданности, — принялась оправдываться она.

Действительно, как же глупо вышло.

— А я уж подумал, для вас прикосновение — табу, — улыбнулся Максим.

— Вы что-то спросили? Я задумалась и не услышала.

— Я спросил, Майя, не согласитесь ли вы перейти на «ты»? Как-то нелепо сохранять никому не нужную дистанцию. Вернее, я надеюсь, что вам она не нужна, но, конечно, если вы против такой фамиллярности в первый же вечер...

В первый же вечер. Звучит так, будто он не последний. Так, надо прямо сейчас все прояснить. Женатый мужчина приглашает ее поздно вечером в дорогуший ресторан, предлагает перейти на «ты» и намекает, что впереди их ждут новые встречи. Пора установить границы.

— Я не против перехода на «ты», — ответила Майя, подумав. — Но у меня встречное предложение: вы... ты прямо сейчас скажешь мне, зачем мы здесь.

Максим странно посмотрел на нее и уже собрался что-то сказать, но тут им принесли первые блюда из заказа, и Майя с удивлением уставилась на бурые куски в своей тарелке.

— Что это?

— Кролик, — невозмутимо пояснил Максим, которому принесли то же самое. — Приготовлен аутентично — так, как подавали его в тринадцатом веке. Я люблю этот ресторанчик именно за то, что здесь не играют в средневековье, а живут и дышат им. И готовят по старинным рецептам. Эксперты по древним текстам, знающие латынь и другие наречия, переводят рецепты из кулинарных книг той эпохи, а повара ищут продукты, заменяя аналогами те, что безвозвратно ушли из нашего рациона. Так что все по-честному. Попробуй.

Майя молчала, и он вдруг спохватился:

— Я надеюсь, ты не вегетарианка?

— Нет, не вегетарианка.

— Отлично, а то вышел бы конфуз. В меню, разумеется, есть блюда и без мяса, но с ним-то вкуснее, — Максим подмигнул Майе и принялся за еду.

— Интересно, а ловили этого кролика тоже аутентично, с луком и стрелами? — пробормотала себе под нос Майя.

Максим, уже отправивший в рот добрый кусок мяса, чуть не подавился от смеха, но сумел прожевать и проглотить, после чего уже ответил:

— Дорогая моя, не шути, когда я ем, так ведь и умереть недолго! Понятия не имею. Кажется, кролик не дикое животное, его специально выводят, так что по лесу гоняться не пришлось.

Ну да, вывели, вырастили, выкормили, съели. А кролик и не знал, что можно было как-то иначе прожить свою кроличью жизнь... Майе вдруг подумалось, что она сейчас почти, как этот бедный малыш. Почему? Откуда это странное чувство тревоги? Вот уже и «дорогая» она для Максима. На что он таким образом намекнул? На свое к ней отношение или стоимость сегодняшнего ужина?

— Максим, а ты мне не ответишь? — напомнила она.

— Прости, на какой вопрос нужен ответ?

— Зачем ты пригласил меня на эту встречу?

— Странно, что ты спрашиваешь. Я думал, для нас обоих все очевидно.

— Для кого именно очевидно? Для меня вот не очень. Тебе интересно мое творчество? Ты хотел знать, в каком стиле я рисую, что мне ближе?

— Да, вполне нормальный интерес, как мне кажется. А что?

— То есть мы обсудим только это?

— Мы будем говорить обо всем, о чем захочешь, — сказал Максим, а в глазах его Майя вдруг увидела легкую растерянность.

Похоже, он не понимал, к чему она ведет, и ей стало не по себе, потому что она-то ведь тоже не понимала, чего хочет он.

— Майя, все в порядке? Ты какая-то не такая. Вчера утром я видел перед собой раскованную общительную девушку, увлеченную своим делом и готовую болтать на любые темы, а сегодня ты напряжена, хотя сама согласилась на это свидание.

— Так у нас свидание?

У Максима, похоже, кончалось терпение, потому что он сдвинул брови и удивленно воскликнул:

— А что у нас, по-твоему?!

— Я думала, тебя интересуют мои работы. Вдруг ты решишь устроить выставку и...

Максим положил приборы и задумчиво подпер сложенными руками подбородок. Вид у него стал несколько раздосадованный.

— Значит, ты поэтому со мной встретишься? Решила, что я соглашусь вкладывать деньги в твою раскрутку? Майя, прости, я, конечно, с интересом отношусь к искусству, но не настолько. Если я обязан твоему присутствию здесь только этим соображениям, тогда...

Какая же она дура! Ведь и впрямь решила, что Дорн согласится инвестировать в нее как в художницу, а ему с самого начала было наплевать. Он расспрашивал ее из вежливости, а сам только и думал, как бы затащить в постель! Поэтому вечер и ужин в таком экзотическом и дорогом месте! Далее в программе номер в какой-нибудь придорожной гостинице — и все, очередная победа: либидо удовлетворено, можно возвращаться к законной супруге.

Максим взял чистую салфетку, зачем-то скомкал ее, резко бросил на стол и откинулся на стуле, покачался на задних ножках. Майя сидела с прямой спиной, чувствуя, как горят щеки. Дура, дура, трижды дура!

— Я совсем тебе не нравлюсь? — спросил вдруг Дорн. — Вчера мне показалось, ты смотришь на меня как на мужчину. Или я настолько стар для тебя, что ты даже мысли не допускаешь о чем-то ином, кроме деловых отношений?

Майя изумленно взглянула на Максима и с трудом разлепила губы:

— Вовсе нет. Ты очень привлекателен. И да, ты... понравился мне. Но, Максим... Я не могу так.

— Как «так»? Вот я, вот ты. Я, конечно, давно уже не ходил на свидания, но что-то подсказывает мне, что если симпатия взаимна, ее не надо как-то отдельно обсуждать. Или ты имела в виду, что готова встречаться только при наличии перспектив? Я должен сделать тебя знаменитой художницей? Или жениться на тебе?

— Да нет же, — Майе стало обидно. — Я не настолько консервативна и не считаю, что любые романтические отношения должны заканчиваться свадьбой. Но...

— Слушаю тебя.

— В этих отношениях не должно быть никого третьего. Если для тебя это не очевидно, значит, я не смогу тебе объяснить, но ни на какую связь с женатым мужчиной я никогда бы не согласилась!

— С женатым мужчиной?! — Максим так искренне удивился ее словам, что Майя умолкла.

Это что же, он сейчас будет врать и говорить, что свободен? Но зачем, он же не может не понимать, что люди видели его с женой и рано или поздно Майя все узнала бы. Она украдкой бросила взгляд на его руку: а кольца-то нет, снял...

— Майя, ты объяснишь мне свои слова? — лицо Максима превратилось в маску.

В глаза вернулась уже виденная ею глубокая тоска. Но что такого страшного она сказала?

— Ты ведь женат, Максим, не отрицай. Все в городке знают это. Для меня неприемлемо...

Майя не договорила, увидев, как он опустил голову и обхватил ее руками. Вся его поза выражала крайнюю степень отчаяния, и девушке стало не по себе.

— Майя... — глухо и еле слышно прозвучал его голос. — Какой же я болван. Решил всех обмануть, а вышло, что себе хуже сделал.

Она ничего не понимала. «Ну же, скажи что-нибудь, только не изображай тут героя греческой трагедии. У тебя есть жена, так имей совесть и смелость прямо признать, что искал себе развлечений на стороне!»

Максим наконец поднял глаза. Покрасневшие, словно он не спал много ночей. А еще так бывает, когда плачешь. Максим сдержал слезы, но Майя прекрасно представляла себе, какой силы рыдания должны душить человека, чтобы он выглядел вот так, не давая им волю.

— У меня *была* жена, — сказал он. — Но ее больше нет.

— Вы развелись? — робкая надежда прозвучала в ее голосе.

Ну конечно, поэтому та женщина и исчезла. Поругались, она уехала, потом развод... Вот ее никто и не видел с тех пор.

Но Максим покачал головой и, сделав, как показалось Майе, над собой усилие, произнес:

— Она умерла.

Глава 6

В поисках Майи директор интерната Ольга Михайловна Зарубина обошла весь учебный корпус, но нигде ее не нашла. Наконец она спустилась в мастерскую, однако девушки не было и там. Ольга Михайловна уже развернулась, чтобы уйти, и тут взгляд ее упал на мольберт. Она сразу узнала мужчину, изображенного на портрете. Затаив дыхание, Зарубина разглядывала лицо Максима Дорна, в очередной раз поражаясь одаренности Майи, умеющей ухватить самую суть. Бесспорно, Дорн был нарисован очень похоже, но разве задача художника в обычном копировании? Как хороший толмач не просто переводит, а передает смысл сказанного, так настоящий портретист не только изобразит перед вами сам облик модели, но и поможет составить представление о ее натуре.

Ольга Михайловна видела Максима Дорна всего дважды, и это были, казалось, два разных человека. Сначала он пришел к ней вместе с женой. С Юлией Дорн Ольга уже успела познакомиться, а ее мужа видела впервые. Конечно, она знала семью Дорнов, живших недалеко от города уже не одно десятилетие: и Евгения Дорна, и обеих его жен, и брата Илью. Застала даже их отца, старика Георгия, с чьей молоденькой супругой Анастасией много общалась, пока та не овдовела и не уехала с новым мужем куда-то на север. Но единственного сына Евгения Дорна Ольга прежде не встречала. Говорили, Максим родился вне брака Евгения с его матерью, воспитывался вдали от семьи, в которую вернулся лишь взрослым, и оттого никогда не был близок с родителями. Жил в городе, работал в компании Дорнов, а потом принял дела, когда отец от них отошел. И вот теперь вернулся в отчий дом.

В ту первую встречу Максим понравился Ольге. Открытый, доброжелательный, со смеющимися серо-зелеными глазами, в которых было столько жизни, энергии и любви, что Зарубина не знала, чему больше завидовать в случае Юлии: ее сногшибательной красоте или тому, что рядом с ней такой мужчина. О супруге Дорна ей было известно немного — и даже о том, что она знала, следовало молчать, причем под угрозой очень и очень больших неприятностей, равнодушно обещанных этой миловидной женщиной с низким и тихим, словно шипение змеи, голосом...

А несколько лет спустя Максим Дорн явился к Ольге во второй раз, и она была потрясена произошедшей в нем переменой. Он сник, стал будто ниже ростом, больше не улыбался, а глаза теперь наполняла глубокая печаль. Ольга даже испугалась, не в силах предположить, какое несчастье могло так изменить его, но Максим с порога все объяснил: супруга скончалась, и он здесь для того, чтобы внести ясность в дела финансирования интерната.

Ольга Михайловна приготовилась к сложному разговору. Она все понимала: инициатором помощи интернату была именно Юлия, и после ее смерти Максим запросто мог урезать бюджет, а то и вовсе прикрыть кормушку и уехать обратно в город. Ольга намерена была биться до конца, умолять, если потребуется, ведь никаких здравых аргументов в защиту своих интересов у нее не было. Честно сказать, покойная Юлия Владимировна тоже не ради местечка в раю детям помогала, но об этом говорить было нельзя, тем более ее мужу. Одним словом, директор интерната, опустив забрало, молча ждала сигнала к бою, но тут Дорн ее удивил. Он заявил, что не собирается ничего менять, и если жена так хотела помогать несчастным сиротам, то его священный долг продолжать это дело в память о ней. От Ольги требуется только одно — правильно оформлять отчетность и своевременно предоставлять документы для оплаты. Публичных мероприятий, от которых так активно отказывалась Юлия, по-прежнему проводить не нужно, а если требуются свадебные генералы, так он, Максим, организует Зарубиной как подставных спонсоров, так и самых настоящих: есть у него парочка приятелей, которые

из признательности Дорну за некоторые прошлые заслуги тоже могут поучаствовать в жизни воспитанников заведения.

А дальше Максим попросил о таком, что Ольга не знала, что и думать:

— Я знаю, что несколько раз Юлия здесь все-таки участвовала в каких-то торжествах.

— Да, но это были исключительно внутренние праздники... — пробормотала Ольга Михайловна.

— У вас есть фотографии и видеозаписи с них?

— Разумеется.

— Передайте мне все. Я верну те, где Юли нет.

Это была даже не просьба, а приказ. Выбора у директора не было, к тому же она до сих пор помнила холодный взгляд Юлии Дорн и обещание уничтожить Ольгу, если та откроет рот. Муж и жена — одна сатана. Если один из них так угрожает, то чего ждать от другого? Ольга сочла за благо не возражать и выполнила все, чего хотел от нее Дорн. Так в интернате не осталось ни одного фото или видеоролика, запечатлевших Юлию, а Ольга Михайловна крепко-накрепко запомнила: с Дорнами шутки плохи.

И вот теперь она стоит перед портретом Максима, нарисованным рукой Майи, ее любимой воспитанницы, для которой Ольга всегда хотела только лучшего. Отчего-то на сердце у пожилой женщины заскребли кошки, появилось недоброе предчувствие.

Как это вышло? Мозг взрывался словами и выражениями, которые не то что в приличном обществе не произнесешь — на самом дне с осторожностью употребляют. Он планировал совсем другое. Тихий вечер, ужин, беседу при свечах под хорошее вино. Вскружить ей голову, обаять, очаровать, а потом... остановиться. Удержать ее на расстоянии вытянутой руки в тот момент, когда она уже будет готова упасть в его объятия. Затем пауза. Охлаждение. И новая встреча. И опять пауза. Теперь он знал, как это делается, и девочка должна была стать пластилиновой уже через пару недель. А она что? Откуда-то узнала про Юлю. Кто ей сказал? Зарубина, когда показывала финансовые документы? Старая дура. Или кто-то из соседей по этой их деревне? Все пошло не по плану. Она не должна была узнать так скоро, потому что жена — это преграда для принципиальной девицы. А значит, надо объяснять, что никакой жены уже нет. И все, из объекта вождения он превращается в жалкое существо, достойное разве что сочувствия. Нет, конечно, «за муки» она его еще сильнее полюбить может, только он же не сможет это сыграть! Как изобразить страдание, когда ты полон ненависти? Прошел год, а гнев и ярость никуда не делись. Ее имя — красная тряпка. Ее лицо на забытом в углу ящика фото — повод порвать его в клочья. Юля, Юля, Юля, Юля!!! Уймись, хватит, сгинь, ты тащишь меня за собой, но я не хочу! Я не могу! Я пока не могу...

Она все испортила.

Он ведь еще сказать ничего не успел, не то что сделать. Ну, подарил цветы. Ну, коснулся руки...

Ой, да кому она врет — не сейчас, так потом, но он обозначил бы свои намерения, ведь сразу же заявил, что продвигать ее как художницу ему неинтересно. Не сегодня, так в следующий раз, но он дал бы понять ей, что хочет совсем другого. А чего, собственно? Близости? Постоянных отношений или мимолетной романтической связи? Теперь уже, наверное, ничего. Она нанесла ему удар. Его жена умерла всего год назад, боль утраты еще не отпустила, а она так грубо надала на рану. Что теперь сказать, что сделать, как посмотреть на него, чтобы он снова ожил, чтобы его лицо перестало быть жуткой маской? Наверное, ей лучше сейчас исчезнуть. Захочет — найдет ее. А если не захочет?!

Максим и Майя сидели друг напротив друга и молчали. Он нарушил тишину первым:

— Тебе сказали, что я женат, до или после твоего звонка мне?

— До того.

— Значит, ты назначила мне встречу с единственной целью попросить денег на развитие своего творчества? — он горько усмехнулся, и у Майи сжалось сердце.

— Нет, Максим! На самом деле я хотела еще раз от всего сердца поблагодарить тебя.

— За что? — его удивление казалось искренним, и от этого чувство вины у Майи усилилось.

— За то, что ты сделал для нашего интерната. За то, что своими деньгами ты помогаешь обеспечивать ребят всем необходимым, учить их. Да что там — я, я сама смогла поступить в академию только благодаря тебе! Ты оплатил первый год моей учебы!

«Держись, не подавай виду. Ты же должен быть в курсе! Ах, Юлька! То-то суммы такие огромные — наверняка эта девчонка не единственная, кому ты выписала путевку в жизнь. Но зачем? Зачем ты все это делала, откуда вдруг такая святость помыслов и деяний?»

— Пустое. Я считаю, можешь — делай. Разумеется, если речь о добрых делах.

— Я не собиралась просить денег, Максим. Но ты предложил встретиться, и что мне оставалось еще думать, когда я узнала, что у тебя есть жена? Не хотелось верить, что такой человек, как ты, открыто крутит романы за ее спиной. И я решила, что этот ужин — своего рода деловая встреча. Ты ведь сказал, что мы поговорим о моем творчестве.

— И совесть подсказала единственно возможный вариант, который не противоречит твоим принципам?

— Именно так. Максим. Можно вопрос?

— Спрашивай, а я подумаю, отвечать или нет.

— Почему никто не знает о смерти твоей жены? Зачем ты сделал из этого тайну?

— Нет никакой тайны. Те, кто знал Юлю, были извещены. Я что, должен был бегать по городу и всем рассказывать? Незнакомым людям? Не понимаю...

В голосе Максима звучало легкое раздражение. Он сцепил дрожащие руки в замок, и Майя поежилась. Она хотела успокоить и смягчить его, а выходило только хуже.

— Ты прав, конечно же. Но месяц назад ты покупал роскошный букет красных роз, и упомянул, что для жены...

— Ты и об этом знаешь!

— Моя лучшая подруга работает в цветочном салоне.

— Ясно. Видимо, мне стоило войти и с порога объявить, что цветы нужны на могилу!

— Она бы сама догадалась, если бы их было четное количество.

— То есть я виноват еще и в том, что не являюсь рабом условностей? Отлично, Майя!

Она прикусила язык. Что за ерунда лезет из нее?! «Заткнись, заткнись!»

— Максим, прости меня, пожалуйста. Я испортила тебе вечер. Могла бы промолчать, я понимаю. Прямота изрядно портит жизнь не только мне, но и окружающим. Я причинила тебе боль.

— Вовсе нет. Признаюсь, я испытываю очень негативные чувства, но не боль. Тебе лучше не знать, что сейчас у меня на душе, Майя.

На какое-то время снова воцарилась тишина. Наконец Максим спросил:

— Еще вопросы будут? Давай уж до конца дойдем и перевернем страницу.

— Нет, наверное, не стоит сейчас... — Майя чувствовала, что ее лицо пылает, и не знала, куда спрятаться от пристального взгляда Дорна.

— Да? — горько усмехнулся он. — Что ж... Тогда не буду тебя больше мучить.

Вот и все. Теперь он отвезет ее обратно и исчезнет навсегда.

— ... и предлагаю перенести наш ужин и прочие расспросы на другой раз.

Майя подняла на него растерянный взгляд:

— Перенести? Ты хочешь сказать, что после всего этого еще хочешь меня видеть?

— Разве я не объяснил тебе, зачем пригласил на свидание? Сегодня ты узнала то, что я все равно рассказал бы спустя несколько встреч. Да, мне очень неприятно от столь резкого перехода к серьезным разговорам, но в конце концов так даже лучше. Мы прояснили ситуацию сразу. Итак?

— Итак...?

Она все еще играет в эти игры, предоставляет ему право решать, прячется и выжидает.

— Хорошо, — Максим хлопнул по столу, — пойдем уже проторенной дорожкой! У тебя есть мой номер. Сейчас мы разойдемся, я отвезу тебя домой и не стану беспокоить, пока ты не определишься. А потом позвонишь мне с готовым решением. Согласна?

Майя молча смотрела на Максима. У него какой-то пунктик по поводу решений. Он все время делегирует их ей, словно намеренно подчеркивает его и ее равноправие. Интересно, к этому приучила его жена или он всегда был таким?

— Ты согласна, Майя? — повторил он громче и тверже.

Его глаза. Совсем недавно они улыбались и согревали ее, а сейчас словно покрылись корочкой льда. Что, если вот это и есть настоящий Максим Дорн? И холод в глазах его жены — лишь отражение характера мужа? Как не ошибиться? Она уже попадала в сети, которые поначалу принимала за любовные объятия. И только запутавшись и чуть не задохнувшись в них, все поняла, но, к счастью, сумела унести ноги. А сейчас все как в тумане. Хочет ли она быть с Максимом? Хочет ли встать рядом и, пусть временно, но занять место той, чье имя рождает такую бурю в его душе? Хочет ли она, чтобы он это имя стер и написал поверх него имя Майи?

— Я... согласна подумать, Максим, — осторожно ответила девушка.

И тогда он накрыл ее ладонь своей, такой большой, сильной и горячей, что у Майи перехватило дыхание и сердце забилося сильнее.

— Думай, — сухо сказал он, но лед в его глазах дрогнул и начал таять, уступая место теплым искоркам.

Максим улыбнулся Майе, и ее губы тоже дрогнули и несмело изогнулись в подобии улыбки.

Послышались легкие щелчки. Майя подняла глаза. В стеклянный плафон, обрамляющий факел над их столиком, бился мотылек. Большой белый мотылек, настойчиво рвущийся к яркому теплему свету, не подозревая, что за незримой границей его ждет мучительная смерть во всепожирающем пламени.

Глава 7

На следующее утро Майя встретила Викой, взявшей в салоне отгул. Та сгорала от любопытства и сразу же накинулась с расспросами о том, как прошло свидание. Мрачно покосившись на нее, Майя какое-то время собиралась с духом и наконец высказалась:

— Не помню, чтобы я когда-либо чувствовала себя большей душой, чем вчера.

— Та-а-а-к, — подобралась Вика, мгновенно решившая, что пора вставать в стремя и с пашкой наголо бросаться на защиту обиженной подруги. — Выкладывай. Приставал, обижал, унижал? Ты все-таки ошиблась, и он тебя вовсе не собирается продюсировать или как там у вас это называется, у художников?

— Да погоди, не тараторь, — поморщилась Майя. — Во-первых, все верно, Максиму абсолютно начхать на мое творчество. Вернее, оно ему ни капли не сдалось как инвестору, а так он, в принципе, человек со вкусом и против живописи ничего не имеет.

— Значит, он ухлестывал за тобой, чтобы в койку затащить? Вот скотина! — с чувством воскликнула Виктория. — Нет, ты погляди на него! При живой жене...

— А во-вторых, нет у него жены, — оборвала ее возмущенное бухтение Майя. — Умерла она. Год уж как.

Вика умолкла, хлопая глазами.

— За цветами он заходил перед поездкой на кладбище, — продолжала Майя, — а в городке никто не знает о том, что случилось, потому что, как говорится, не нашего ума дело.

— И от чего же она умерла? — подозрительно прищурилась Виктория.

— Я не стала спрашивать. Вик, ты себе не представляешь, как мне было стыдно: я ведь чуть сцену не устроила. Возмутилась, мол, объясните-ка мне, господин Дорн, для каких таких целей вы меня на ужин пригласили, если не для деловой беседы! А коли это у нас свидание, то со всей ответственностью заявляю, что ничего меж нами быть не может ввиду вашей глубокой и основательной женатости! Идиотка... Максим на меня такими глазами смотрел. Ему-то невдомек, что я уже о нем информацию подсобрала. Он даже обиделся.

— Это на что, интересно?! — опешила Вика.

— А на то, что я, уже зная о его якобы «женатом» статусе, все-таки согласилась встретиться, намереваясь раскрутить на финансирование своей выставки. Вот к чему приводят недомолвки.

— Нет, Майя, погоди, — Вика категорически пресекла самобичевание подруги. — Посуди сама, кто и в чем виноват? Ты — в том, что защищала свои принципы? Мы с Ларой — в том, что честно предупредили? Виноват он! Это каким надо гордецом быть надменным, чтобы вообще не подумать о том, что их тут видели и могли судачить, обсуждать его и жену. Это какого же он мнения о жителях городка, если совсем не учел, что мы не массовка и не декорация. Мы живые, у нас глаза и языки есть.

— Это точно. Мозгов только не особо, — буркнула Майя.

— А вот обижать никого не стоит, — парировала Вика. — Между прочим, ты могла все это выяснить еще тогда, когда позвонила ему и договорилась о встрече!

Вот тут Майя испытала некоторую неловкость. Точно, ну как же она не сообразила? Нужно было сделать именно так, как говорит Вика! Эх, кто бы ей вчера подсказал... И тут же другая мысль вспыхнула в мозгу: Ольга Михайловна! Она не могла не знать о браке Дорна и его трагическом завершении. Да, задним умом все крепки, а у творческих людей, как поняла сейчас Майя, и тот запаздывает...

— Майка!

Девушка вздрогнула от окрика Виктории. Та с усмешкой глядела на нее:

— Опять в облаках витаешь? Что в итоге-то? Финита ля комедия? Он оскорблен в лучших чувствах и в глубокой печали заперся в своем замке?

— Хватит издеваться! — Майя шутливо ткнула подругу кулачком в бок. — Мы договорились, что увидимся еще, если...

— Если — что? Он тебе условия ставит?! — Вика сдвинула к переносице густые брови, и Майя в который раз поразилась тому, что даже такая гримаса ничуть не портит красивое лицо подруги.

— Если я так захочу! Максим предоставляет мне свободу выбора. Сказал, что я могу думать, сколько угодно, и если он все-таки мне нравится, и я хочу продолжать общение, то он ждет звонка...

Вика закатила глаза:

— Ах, какие мы благородные! Подозрительно это...

— Почему? — искренне изумилась Майя.

— Ну... Если ты ему интересна, почему он сам не проявляет настойчивости? Почему согласен ждать твоего решения? Мужчина взрослый, при деньгах, собой недурен...

Майя расхохоталась, услышав эти слова, и Вика недоуменно спросила:

— Чего ты ржешь?

— «Собой недурен»! — повторила Майя, продолжая хихикать. — Вика, ты как из салона девятнадцатого века выпала! Где ты этого набралась?

— Я вообще-то книги иногда читаю, — насупилась Вика. — Там много любопытного пишут, рекомендую.

— Вик, прости, прости! — взмолилась Майя. — Честное слово, просто забавно очень прозвучало... Так что ты хотела сказать?

— Что хотела — уже не скажу, — обиженно надула красивые губки Вика. — Но ты будь начеку, я тебе серьезно говорю, Майка. Какую-то игру он с тобой затеял, этот Дорн. Свобода, равенство... Не в том ты положении, чтобы выбирать, и он не тот, кто покорно ждал бы милости от простой детдомовской девчонки.

— Зачем ты опять? — Майя разом погрузилась.

Она не любила, когда ее так называли. Вика обняла подругу и чуть встряхнула:

— Я не со зла, Майка. Но скажи честно, разве тебе все это нужно? Игры какие-то... Поманил, позвал — и в кусты, сама, мол, звони. А ты и рада, наживку заглотила и несешься за ним. Сама-то не видишь?

— Чего не вижу?

— А тебе все это не напоминает историю, из которой ты еле выпуталась, после чего и примчалась сюда, прятаться и раны зализывать?

Майя окаменела. Вика говорила о том, о чем она вот уже несколько месяцев пытается забыть. Пашка... Нет, теперь все иначе. Ситуация с Максимом совершенно другая! И Максим — другой! Но память услужливо тасовала воспоминания, и перед внутренним взором Майи уже вставали картины недавнего прошлого, многотонным катком прокатившегося по ее мечтам и планам.

Впервые Майя попробовала алкоголь на студенческой вечеринке по случаю посвящения первокурсников. В интернате многие ребята воровством или через местных алкоголиков добывали дешевое пиво, но Майе никогда не нравились его запах и вкус, поэтому до поступления в академию она умудрилась дотянуть, не взяв в рот ни капли спиртного. А еще к своим семнадцати годам оставалась девственницей.

Как многие девочки, она тоже любила сентиментальные истории о любви, вроде сказок о Золушке и Спящей красавице. Став постарше, Майя захотела расширить круг литературных

интересов и для начала попытала счастья в детдомовской библиотеке, но получила на руки произведения советской лирической прозы, в которых даже самая влюбленная девушка оставалась прежде всего комсомолкой и спортсменкой, склонной больше к героизму, чем к выбору в пользу личного счастья. Никакой радости от такого чтения Майя не получала, а более актуальных книг в интернат не завозили. Оставалось довольствоваться приторно-сладкими диснеевскими историями да американскими романтическими комедиями, на которые детей иногда водили в местный кинотеатр. Разумеется, на уроках литературы учеников знакомили с произведениями классиков, но душевные терзания Анны Карениной и Наташи Ростовской если и были понятны Майе на эмоциональном уровне, то в техническом плане не давали ничего. И откуда, скажите на милость, было узнать юной девушке, что такое поцелуй и сексуальный контакт? Вот Вика искусно объединяла в своем сознании богатый духовный мир героинь классических романов с информацией, полученной на уроках биологии, но Майя не была такой умной и хотела, чтобы ей все объяснили на пальцах. Пока же ее представления о любви крутились вокруг каких-то нравственных дилемм и мук выбора. Майя уяснила себе, что любовь — штука чрезвычайно запутанная и малопривлекательная в силу того, что обязательно заканчивается либо безвременной смертью, либо погружением в бытовую жизнь по самые уши, вследствие чего вчерашнюю влюбленную нимфу ждет безрадостная доля мужней жены, а на таких Майя уже насмотрелась в городке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.